ПЛАКАТ ГАЗЕТ.
ИЗОГИЗА №45
О том, что кулака узнавать нужно
На дела его глядя,
а не на наружность.
Правильно сказано т. Сталиным:
Кулак преобразился и стал иным,
Тихим, сладким, почти „святым".
„Я за каких братцы!"
Как за любую работу готов братся
Работает „здорово" в поте лица.
Колхозам от него
не поздоровится.
Сделаешь его конюхом ты —
Набьет гвоздей коням
в хомуты.
Наворочает воз с пол-овина,
А на место привезет — половина.
Свой в доску
Продфонды
Государству
Разрешает он просто задачу:
Сначала самозаготовки, потом
хлебосдачу.
Склад
колхозного зерна
„Посади козла сторожить
капусту"
Заглянешь в амбар, —
а там пусто.
В роли счетовода, одев очки,
Ладьино-куму ставит палочки.
Стрижет колос,
Как парикмахер волос.
Страхтором обращение простое:
Раз трахнет — в месяц простоя.
ТОВАРИЩ, БДИТЕЛЬНОСТЬ УТРОЙ
БЕРЕГИ, КАК ЗЕНИЦУ ОКА, КОЛХОЗНЫЙ СТРОЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга, фрагменты которой редакция предлагает вниманию читателей, вышла 1927 году. Ее автор Юрий Ларин (псевдоним известного революционного деятеля Александровича Лурье (1882-1932 гг.) - экономист, один из организаторов к слову, тесть Николая Бухарина - был неизменным участником многочисленных комиссий по руководству финансами, по национализации торговли, созданию совхозов и т.п.

В середине 20-х годов в стране прошла целая серия процессов над нэпманами, Ларин, собрав по их итогам обширнейший материал, проанализировал его и выделил двенадцать характерных способов перекачки денег из государственного кармана - в частные, (описанные им махинации нэпманов поразительно совпадают с механизмами отъема денег у государства предпринимателями дня сегодняшнего. А еще утверждают, что история не повторяется.

В наши времена слово «пирамида» стало нарицательным по отношению к любой афере, связанной с незаконным «экономическим» отъемом денег. Поэтому мы позволили себе вынести его в заголовок публикации: ведь у государства ли воруют или у частных лиц – не столь уж важно. В конечном итоге страдаем все мы – население.

И последнее. Не удивляйтесь, что редакция решила проиллюстрировать материал карикатурами Кукрыниксов к "Золотому теленку": как выясняется, он был создан Ильфом и Петровым на вполне документальной основе. Убедитесь в этом сами.

Олег Горелов

- I. Задача работы
- II. Первоначальное образование буржуазного капитала в СССР
  -
  - 1. Агенты и соучастники частного капитала в госаппарате
  - 2. Лжегосударственная форма деятельности частного капитала
  - 3. Злостная контрагентура
  - 4. Неликвидные фонды. Автомобильный и водной транспорт
  - 5. Хищническая аренда

    - 6. Система перекупок
    - 7. Контрабанда
    - 8. Государственный денежный кредит
    - 9. Государственные займы
    - 10. Валютные операции
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

I. Задача работы

Нет разногласий относительно того, что изучение своих врагов необходимо в не меньшей степени, чем изучение своей собственной созидательной деятельности. Нет разногласий относительно того, что в деле нашего внутреннего строительства, в деле подготовки полного развертывания социалистического строя роль буржуазии в народном хозяйстве является одним из существенных препятствий. Роль эта много больше, чем может показаться на первый взгляд при виде одних только наших государственных фабрик, заводов и железных дорог. Если взять, например, всю совокупность наемного труда в нашей стране, то, по недавно сделанным подсчетам в "Контрольных цифрах" Госплана, из всех наемных рабочих и служащих нашей страны 28 % занято у частных лиц, причем эти подсчеты являются еще преуменьшенными. Там взято, например, количество сельскохозяйственных рабочих гораздо меньшее, чем имеется по данным Всеработземлеса, – так что это тот минимум, о котором можно говорить. Из всех наемных рабочих и служащих нашей страны до 30 % работают еще в хозяйствах и предприятиях частных лиц. Уже по одной этой цифре можно судить о значительности того явления, о котором идет речь.

Необходимо подчеркнуть, что речь будет идти именно о роли частного капитала, а отнюдь не о частном хозяйстве вообще, У нас сплошь и рядом совершенно некритически говорят, например, о частной промышленности вообще. Между тем, есть частная промышленность капиталистическая, организованная буржуазным капиталом, являющаяся формой буржуазного накопления и основанная на эксплуатации буржуазным капиталом используемой им рабочей силы. А есть частная промышленность трудовая, являющаяся простым товарным производством без эксплуатации чужого труда, основанная на затрате исключительно собственной рабочей силы мелкого кустаря и ремесленника без наемных рабочих. Обе эти формы – разные социально-экономические категории, разные общественно-хозяйственные слои, и смешивать их вместе при суждении о частном капитале - неправильно. То же и в других отраслях хозяйства; повсюду надо из частного хозяйства в целом выделить специально капиталистическую часть, чтобы судить об удельном весе капиталистической буржуазии в нашей экономике.

По вопросу о частном капитале имеется громадное количество материала, – вряд ли о чем-нибудь у нас больше пишут и говорят, чем об этом, – но материал этот не

систематизирован, не сведен в одно целое, недостаточно обобщен. Я собираюсь здесь, во-первых, свести воедино тот материал, который имеется о происхождении буржуазного капитала в Советской стране, классифицировать различные виды и роды первоначального буржуазного накопления в период 1921-1924 гг. (отчасти в ослабленном виде сохранившиеся и сейчас). Во-вторых, дать без всякого замазывания и преувеличения (вроде подмены частного капитала частным хозяйством вообще) картину нынешней его роли в промышленности, сельском хозяйстве, торговле и на денежном рынке, учитывая по возможности также замаскированные формы его деятельности. В-третьих, наша задача – сделать те обобщения, которые можно сделать на основании анализа развития частного капитала за последние годы.

В основу работы положены три доклада, прочтенные мной в Коммунистической Академии 19 марта – 16 апреля 1927 г.

Материалы, которые использованы при этом главным образом таковы.

При разных наркоматах и учреждениях были образованы комиссии по изучению частного капитала в нашей стране, собиравшие сведения о его деятельности в разных отраслях. Соответствующие доклады и данные поступали затем в комиссию по частному капиталу, работавшую под председательством т. Орджоникидзе с моим участием с декабря 1926 г. по май 1927 г. Вот этими материалами я и пользуюсь в первую очередь.

Второй источник такого рода.

Я просил в 1926 г: помощника прокурора Союза ССР т. Кондурушкина разработать материалы более крупных судебных дел, которые прошли за последние шесть-семь лет перед судами республики по делам о хозяйственных преступлениях. Эти материалы дают много интересных сопоставлений. Работа т. Кондурушкина теперь окончена и в скором времени будет издана Госиздатом. В-третьих, наконец – сведения, любезно сообщенные мне официально различными госорганами по специальным запросам.

II. Первоначальное образование буржуазного капитала в СССР

Полностью буржуазный капитал не исчезал и не прекращал своей активности даже в разгар военного коммунизма. Но абсолютная величина средств, находившихся в его распоряжении, была сравнительно невелика, – слишком свежа еще и достаточно основательна была конфискация капиталистического достояния, произведенная нами в 1917-1919 гг. Конечно, припрятано было некоторое количество золотых монет, драгоценных камней и т.п. Но поскольку они находились у капиталистов – они в значительной мере лежали в то время в ожидании лучшего будущего, пока расходуясь на закупку продовольствия для своих владельцев и т.п. Предпринимательская деятельность дореволюционных капиталистов в эпоху военного коммунизма сводилась лишь к спекуляции обесценивавшимися бумажками разных наименований (царскими, думскими, керенскими, аннулированными займами и акциями, совзнаками и т.д.) и иностранной валютой (приток которой не мог тогда быть особенно велик, что суживало и размах спекуляции) да к частичному финансированию мешочничества. В основном мешочничество периода гражданской войны сводилось к поездкам рабочих и крестьян за едой для собственных семей. На предпринимательский лад, с сетью агентов и т.д. мешочничество стало ставиться больше уж к концу этого периода. Судя по оценкам нынешней наличности частного капитала в стране и по ориентировочным данным о темпе его накопления, трудно думать, чтобы реальное предпринимательское накопление (на мешочничестве, твердой валюте и т.д.) дореволюционной и вновь создавшейся буржуазии вместе составило к началу новой экономической политики (1921 г.) более ста пятидесяти миллионов рублей. Скорее – менее. Притом включая уже сюда все уцелевшие у буржуазии запасы наличного золота. Значительная часть оставшихся у населения золотых монет, колец и т.п. припрятана была вообще "маленькими людьми", не занимавшимися ни торговым, ни иным предпринимательством.

История накопления буржуазного капитала в таких размерах, что он получает некоторое, хотя и второстепенное, значение в народном хозяйстве страны, начинается у нас поэтому только с новой экономической политики, с 1921 г. Тогда, во-первых, госорганы получили право хозяйственной связи с частными предпринимателями, а во-вторых, частные лица получили право

хозяйственного предпринимательства. В это же время, при нэпе, открылась легальная возможность перерастания в предпринимателей эксплуататорского типа для тех отдельных удачливых кустарей, мелких торговцев или крестьян, которым раньше условия военного коммунизма мешали развернуться.

Мы создали нэп, как известно, и по внешним, и по внутренним соображениям. Правда, внешние (возможности притока иностранного капитала для поднятия нашего хозяйства) пока особенно много не дали (хотя постепенно результаты возрастают). Но зато внутренние уже оправдали себя в полной мере. Отдыхающее после долгой войны хозяйство страны стало быстро подыматься в привычных для мелкобуржуазного большинства населения товарно-рыночных формах. По мере укрепления в силу этого государственного хозяйства мы получали возможность вкладывать в товарно-рыночные формы все больше социалистического содержания (рост госпромышленности, индустриализация в пролетарских руках). Но попутно, в силу самого восстановления товарно-рыночных форм, восстанавливалось и буржуазное предпринимательство. Допущение его было неизбежным не столько вследствие недостатка у нас средств для приведения в движение товарооборота страны, сколько в силу неумения нашего осуществлять этот товарооборот в рыночных формах.

"Мы не учились торговать", – сказал т. Семков на московской губпартконференции 1921 г. т. Ленину. Буржуазия не принесла для оживления хозяйства ни своих каких-либо крупных свежих средств, ни новых товарных фондов. Товарные фонды были в наших руках, а размеры буржуазных средств, как указано, были невелики. Но буржуазия принесла с собой уменье двигаться в условиях товарно-рыночных отношений, и мы принуждены были дать ей наши товарные фонды и наши средства. Производство (промышленное) осталось в наших руках (а производство сельскохозяйственное – в руках крестьян), но рыночная связь между разными частями хозяйства (и нередко даже между разными государственными предприятиями) оказалась в руках буржуазии. За это, конечно, она себя щедро вознаградила, а для нас это было "платой за науку". Лишь по мере накопления у буржуазии этой "платы" начинает она пускать некоторые корни, во-первых, в производстве, во-вторых, в организации торговли за свой счет (а не только в порядке легального и нелегального использования госфондов и госкредита), в-третьих – на денежном рынке.

Поскольку для продвижения товарных фондов государства у буржуазии в первый период этой ее деятельности своих средств

не было или было слишком мало, самый характер применения ею своего "уменья" должен был оказываться весьма часто нелегальным или полулегальным, а буржуазное накопление – накоплением типично хищническим, т.е. ни в какой мере не пропорциональным (даже по буржуазной оценке) оказываемым ею услугам. История советской буржуазии, таким образом, весьма проста. Ее уменье вращаться в рыночных условиях понадобилось, особенно на первый период, пока мы почти совершенно этого не умели; она получила, таким образом, возможность действовать и, не имея своих средств, воспользовавшись случаем, украла их у нас, у государства; а накравши - создала затем самостоятельную торговлю за свой счет и капиталистическое промышленное предпринимательство. История буржуазного накопления в СССР в первый его период есть, таким образом, прежде всего история буржуазного воровства в разных видах и формах. И уж затем начинается буржуазное накопление обычного типа.

Параллельно в деревне шло вырастание из простого товарного производства узкого круга мелких капиталистических предпринимателей.

В свою очередь Советское государство по мере овладевания искусством маневрировать в условиях товарных форм хозяйства начинает, естественно, менять практическую линию относительно частного капитала. Вместо практики "разбазаривания" 1921-1923 гг. начинается практика "оттеснения" частного капитала с занятых им позиций, прежде всего в области оборота с изделиями государственной промышленности (1924-1926 гг.).

Весь период новой экономической политики в отношении истории частного капитала приходится делить, таким образом, на три части.

Первый период – это с 1921 по 1923 г. Это период создания современного частного капитала в нашей стране плюс вовлечение в жизнь некоторых сохранившихся от дореволюционного прошлого остатков, не бывших до тех пор в активном состоянии.

Второй период – это следующее трехлетие, с 1924 по 1926 г. Это время так называемой "нормальной" работы частного капитала. Разумеется, и в этот второй период было еще много остатков (встречаются и по сие время) прежних нелегальных методов наживы, но начинают уже преобладать те формы его деятельности, которые основаны не на злоупотреблениях, а на коммерческих операциях легального типа.

И третий период – это тот, который начинается с 1927 г. и сущность которого со стороны государства характеризуется нынешним плановым подходом к вопросу о частном капитале в целом, а не только к отдельным проявлениям его деятельности,

как торговля госизделиями и т.п. Какими тенденциями характеризуется он со стороны частного капитала - на этом мы остановимся ниже.

Первый период – период 1921-1923 гг. – характеризуется преимущественно тем, что в это время частный капитал возникал путем перекачки в частные руки государственных средств разнообразными способами и методами. Можно сказать, что та буржуазия, которая действовала в первый период нэпа, вступила в этот нэп почти что с голыми руками, очень мало, часто почти ничего не имея за душой, кроме своей предприимчивости, кроме связей в различных советских учреждениях, кроме готовности идти на всякое преступление ради обогащения. То обстоятельство, что она имела возможность достичь на этих путях довольно больших, как мы увидим, успехов, объясняется, разумеется, не в малой мере и общеизвестным пороком нашего государственного аппарата. Иначе сказать – теми бюрократическими извращениями, наличность которых давала и иногда еще и теперь дает возможность на хозяйственном фронте частному дельцу превращать госорганы в орудия и средства своего обогащения. Чем больше улучшается работа госаппарата нашей страны, тем меньше делается эта возможность, тем больше сужается круг нелегальной наживы частного капитала, тем больше выдвигается на первый план нажива легальная.

Классифицируя методы первоначального буржуазного накопления этого периода, иные из которых частью сохранились и до настоящего времени, я насчитываю 12 основных видов хищнического и нелегального возникновения и накопления частного капитала. Они и дали ему возможность к концу этого периода, приблизительно к 1923/24 г. собрать в своих руках уже сумму в несколько сот миллионов рублей, с которыми он затем и начал "нормально" оперировать (присоединив постепенно и остатки, припрятанные и отчасти накопленные в период военного коммунизма).

Припрятанных от дореволюционных времен остатков и накоплений периода военного коммунизма от валютных операций и от мешочничества можно насчитывать, как я уже указывал, в руках буржуазии примерно миллионов 150. Все же остальное, вся остальная величина частного торгового, промышленного и кредитного капитала, которая сложилась к 1923 г., т.е. примерно миллионов 350, – все это было накоплено частными капиталистами в период первых лет нэпа в результате их нелегальной деятельности.

Основные 12 видов этой деятельности следующие: 1) агенты и соучастники частного капитала в госаппарате, 2)

лжегосударственная форма деятельности частного капитала, 3) злостная контрагентура, 4) неликвидные фонды, 5) хищническая аренда, 6) нелегальная перекупка, 7) контрабанда, 8) государственный денежный кредит, 9) государственные займы, 10) валютные операции, 11) уклонение от налогов и 12) лжекооперативы.

1. Агенты и соучастники частного капитала в госаппарате

Первым и самым простым методом нелегальной деятельности по созданию частного капитала было наличие его соучастников и агентов в государственном аппарате. В составе государственного аппарата был не очень широкий, не очень многочисленный, измеряемый, может быть, всего несколькими десятками тысяч человек, круг лиц, которые использовали начало нэпа в этом смысле. Сами служа в хозорганах, они в то же время организовывали различные предприятия или на имя своих родственников, компаньонов, или даже прямо на свое собственное. А затем перекачивали в эти частные предприятия находившиеся в их распоряжении государственные средства из государственных органов, где они служили. Совершив такую перекачку, они обычно оставляли вовсе госорганы и "становились на собственные ноги". Это явление было распространено чрезвычайно широко. Можно было бы привести сотни примеров того, как различные ответственные и не очень ответственные деятели, коммерческие директора и другие деятели заводов, различных хозяйственных объединений, железных дорог, торговых организаций – государственных и кооперативных – организовывали параллельные лавки, параллельные магазины, параллельные общества, параллельные фирмы, которые и начинали якобы заниматься поставками и подрядами на государственные органы и всякими сделками с ними. Но все это выполняли путем прямой передачи в порядке злоупотреблений создаваемым ими частным учреждениям тех средств, которые находились в их распоряжении по службе в советских учреждениях.

Для иллюстрации, как это делалось, приведу несколько примеров из богатой копилки собранных т. Кондурушкиным материалов, установленных, проверенных и подтвержденных приговорами суда. Вот, например, служащие Ленинградского военного порта вошли в соглашение с организованной для этого частной конторой "Заводопомощь" и украли из Ленинградского военного порта 200 тыс. пудов мазута, который и вывезли рядом поездов и цистерн и передали в распоряжение конторы. А "Заводопомощь" продала из них 50 тыс. пудов Ижорскому, заводу и остальное – другим госорганам, нуждающимся в мазуте. У этой частной конторы не было при основании ни денег, ни каких-нибудь других средств, а было только помещение в проходной

комнате, одна машинка и машинистка.

Директор бывшего Франко-русского завода в Ленинграде Лопатин вошел в соглашение с частной конторой инженера Евзерова "Инжбюро", которой и передал 35 тыс. пудов кровельного железа.

Служащие завода "Треугольник" организовали частную контору под названием "Контора Мартынова", у которой покупали кабель. Производилось это таким образом: с одной стороны, в одни ворота вывозился из завода на склады "Конторы Мартынова" краденый кабель, причем никакого платежа за это не производилось, так как все это делалось в порядке злоупотреблений, а в другие ворота на завод ввозился кабель из "Конторы Мартынова", хорошо оплачивавшийся "Треугольником".

Начальник отдела снабжения Октябрьской железной дороги поручает своему тестю Медовому поставку для дороги горелок, ламповых стекол и фитилей. У Медового нет ни горелок, ни денег – вся суть в наличности ответственного родственника на железной дороге. Тогда Медовый получает в Ленинградском едином потребительском обществе (ЛЕПО) образцы горелок, представляет их в отдел снабжения, там составляют акт осмотра и платят Медовому за всю поставку.

Инженер Зак, начальник восстановительного подотдела НКПС, организовал частную техническую контору "Мосмет", которая должна была поставлять именно те материалы, какие нужны были восстановительному подотделу.

Заведующий коммерческим отделом Ленинградского отделения Трансмосторга (госорган) организует частную контору "Лакокраска" и сам переписывается с собой как с ее владельцем, совершая с ней различные сделки (особенно много выкачал из Трансмосторга ультрамарина, который потом поставлял через своего брата госорганам же в Москву).

Начальник отдела Северо-Западной железной дороги инженер Лукьянов сам производит поставки этому отделу (через подставное лицо - бывшего адвоката Зуккау) и сам производит приемку.

Консультант Октябрьской железной дороги Львов являлся в 1922 г. почти монопольным поставщиком на эту дорогу разных материалов, подавая заявления и пр. от имени вымышленного, несуществовавшего лица Шура. Он поставлял, например, цинковые бидоны, "добывая" их в Фондкомбалте, и т.д.

Начальник Северо-Западной железной дороги Храповицкий лично ведет переговоры с мелким агентом ТПО о покупке 100 пудов шведских гвоздей (являющихся якобы собственностью этого агента), выдавая записку об уплате ему немедленно всех денег.

Гвозди на деле берутся из государственного заброшенного сарая.

Агент Ленинградского губоткомхоза, сын купца Белокриницкий, уже бывший раз осужденным на пять лет за связь с бандитами, является другим поставщиком – сообщником Храповицкого.

Лаборанты Ленинграда в 1922 и 1923 гг. за взятки получали из Рауспирта денатурированный спирт, который затем частные торговцы употребляли на парфюмерию. Имея, таким образом, материал дешевле ТЭЖЭ (треста "Жиркость"), они били его на рынке, продавая свою парфюмерию на 15-20 % дешевле.

Служащие Балтфлота Константинов, Курыленко, Зверев открыли два магазина, которые заполняли целиком из складов флота ("включительно до щеток и фитилей").

Таких примеров, установленных позднейшими судебными процессами (преимущественно 1923-1925 гг.), но имевших место в жизни в 1921-1923 гг., можно было бы набрать не сотни, а тысячи. Вообще в первый период нэпа для буржуазии, в составе государственных органов имевшей агентов частных предприятий, именно и характерна наличность не обычного типа коммерческих хозяйственных операций, хотя бы и прибыльных, а наличность прямых злоупотреблений, причем эти злоупотребления облекались только в форму сделок. Под "нормальной" коммерческой операцией имею в виду при этом такую, когда частный предприниматель хотя и наживается, но продает что-либо действительно ему принадлежавшее или покупает действительно за свой счет и т.п. В приведенных же случаях речь идет о передвижении на деле государственных фондов, лишь обманно выдаваемых за частные благодаря сидящим в госаппаратах служащим, на деле являющимся частными предпринимателями или агентами частных предпринимателей. Когда впоследствии этот первый период "разбазаривания" прошел и стали выяснять и учитывать, где что раскрали, то были организованы сотни процессов по разным предприятиям и крупным хозяйственным организациям, выяснивших в судебном порядке сумм}' потерь государственных средств в пользу частного капитала. Конечно, учет этот неполон, но он весьма показателен.

Результаты только 56 таких процессов (по приведенным в работе т. Кондурушкина материалам) показывают, что только по этим 56 процессам передано таким образом в руки частных лиц государственного имущества примерно на 54 млн. рублей золотом. Но судебных процессов по делам 1921-1923 гг. было гораздо больше, чем 56. В результате всех этих злоупотреблений в руки частных лиц было передано поэтому значительно больше имущества, чем на 54 млн. рублей. "Компетентными лицами (т.

Лежавой, органами ВСНХ и т.д. – Ю.Л.) потери промышленности за 1921/22 г. определились в пределах весьма крупной суммы 150-200 млн. руб. золотом" (Жирмунский. Частный капитал в товарообороте, с. 18). Это за один только первый год нэпа.

Особенно интересно то, что эти процессы дают возможность выявить круг тех лиц, которые были в 1921-1923 гг. агентами частного капитала и его соучастниками в рядах наших государственных органов. Тов. Кондурушкин произвел статистический подсчет, охватывающий ряд крупнейших процессов. Например, процесс Ленинградского военного порта, где было 125 чел. подсудимых; процесс Северо-Западных железных дорог, где было подсудимых 118 чел.; процесс Рауспирта, где было 79 чел. подсудимых; процесс Главного морского технического хозяйственного управления с 64 подсудимыми и т.д. И вот выясняется, что из всех лиц, признанных судом виновными в этих злоупотреблениях и бывших в 1921-1923 гг. нашими государственными служащими, имели высшее образование 25 %, имели среднее образование больше 50 % и имели только низшее, или были самоучками, или не имели никакого – менее 25 %. Таким образом, около трех четвертей тех государственных служащих, которые были активными организаторами частных предприятий и перекачки в них государственных средств, были интеллигенцией технической, юридической и всякой прочей. В подавляющем большинстве они не были людьми, которые уже до революции были частными предпринимателями; перед нами процесс образования новой буржуазии, пореволюционной. Это были люди, которые превращались в настоящую предпринимательскую буржуазию в первые годы нэпа, используя свое административное положение в государственных органах для обогащения себя через создаваемые ими на имя подставных лиц, родственников и т.п. частные предприятия, чтобы затем превратиться уже открыто и самим в самостоятельных предпринимателей. И действительно, по ряду названных процессов, объединяющих несколько сотен подсудимых, имеется подсчет, кем сделались люди, которые были осуждены по процессам за злоупотребления, совершенные ими в период 1921-1923 гг. в бытность их служащими госорганов. Процессы происходили обычно на два-три года позже открытия злоупотреблений (ввиду крупного размера процессов, большого количества привлеченных, сложности следствия и т.д.). Оказывается, что из лиц, которые были государственными служащими, в 1921-1923 гг. организовавшими все эти параллельные конторы и т.д., ко времени суда оказались самостоятельными частными предпринимателями 53 %. Кроме

того, хозяйственными агентами – 8 %, причем эти агенты формально являлись как бы государственными служащими, но фактически работали на процентах, т.е. фактически были тоже частными предпринимателями. Далее, канцелярских служащих оказалось 12 %, счетных и т.п. служащих – 10 % и технического инженерного персонала – 17 %.

Таким образом, из тех лиц, которые в качестве государственных служащих совершали крупные злоупотребления в первые годы нэпа, свыше 60 % превратились уже формально и открыто в самостоятельных частных предпринимателей. Конечно, по совершенным преступлениям они были судом осуждены. Но у нас очень часто бывают амнистии или даже без амнистий просто бывает "разгрузка тюрем". Наша страна обладает недостаточным количеством тюрем в сравнении с теми размерами хозяйственных злоупотреблений, какие имели место, и потому, помимо всяких амнистий, производятся периодически разгрузки тюрем, во время которых в тюрьмах оставляют только наиболее важных преступников, например убийц, а менее важных – воров – выпускают. Осужденные скоро начинают опять оперировать, используя накраденные средства. Тов. Кондурушкин устанавливает, что из теперешних частных крупных предпринимателей почти никого нет, кто бы раньше не был под судом или не высылался бы административно по хозяйственным делам. Среди частных оптовиков, полуоптовиков и более крупных частных фабрикантов почти не оказывается такого элемента, который не прошел бы через уголовное клеймо в первые годы нэпа. Они точно следовали тому положению Маркса, что частный капитал не останавливается ни перед каким уголовным преступлением, если находит для себя в этом материальную выгоду. Кстати сказать, из приводимых т. Кондурушкиным таблиц видно, что из частных предпринимателей, дела которых слушались судом в 1924-1926 гг., состояло на государственной службе до 1921 г. ни много ни мало 90 %.

К этой характеристике надо добавить еще, что та часть государственных служащих 1921-1923 гг., которые тогда совершали преступления в пользу частного капитала, но которые не превратились в формальных частных предпринимателей в последующие годы, – а превратились в частных предпринимателей формально только около 60 7с, – так вот, та часть, которая не превратилась, она снова и снова в 1924-1926 гг. нередко попадалась вновь в подобных же хозяйственных преступлениях. Интересен вывод т. Кондурушкина из данных хозяйственных дел 1925-1926 гг. о судебном прошлом тех государственных служащих, которые были осуждены за взятки и

за другие хозяйственные преступления, совершенные в 1924-1926 гг. А каждое хозяйственное преступление в наших условиях - это есть преступление в пользу частника, так или иначе с интересами частника связанное. Оказывается, из всех служащих, которые во второй период нэпа, т.е. в 1924 -1926 гг., совершали хозяйственные преступления, было уже осуждено раньше за хозяйственные преступления примерно 80 %. Иначе сказать, мы имеем устойчивый круг хозяйственных преступников в наших госорганах. Из тех преступников, которые за последние два-три года осуждены, четыре пятых уже были раз осуждены (а некоторые были даже несколько раз осуждены) по разным хозяйственным процессам, но потом были вновь приняты на службу – иной как ловкий "незаменимый" человек, как ловкий агент, или перешел из одного государственного органа на службу в другой госорган, где не обратили внимания на прошлое, или в аппарате оказались приятели, которые опять втянули, или вообще начальство сквозь пальцы смотрело на прошлое – авось, не повторится. Так или иначе, но факт таков, что воры первого периода нэпа, которые осуждены по закону, поскольку они не превратились в частных предпринимателей, сплошь и рядом возвращались опять на государственную службу. Из вновь осуждаемых по хозяйственным преступлениям служащих госорганов, как сказано, 80 % оказываются уже осужденными ранее, до этого.

Из этого, кстати сказать, видно, что надо издать специальный закон, который запретил бы всем госорганам, а заодно и всей кооперации принимать на государственную и кооперативную службу тех лиц, которые когда бы то ни было при Советской власти были осуждены по хозяйственным преступлениям, хотя бы они потом были амнистированы, хотя бы отбыли наказание, хотя бы были освобождены в порядке разгрузки тюрем. Пора на десятом году революции обходиться без патентованных воров на государственной службе. Можно предоставить им переходить к физическому труду на земле или в промыслах, но не доверять им вновь должностей, дающих возможность хозяйственных преступлений. При царизме революционерам запрещалось жить в средних и крупных городах. Мы поступим вполне правильно, если запретим Жить в городах от 50 тыс. жителей всей "накипи нэпа", всем когда-либо осужденным или административно высланным по хозяйственным делам. Таких городов в СССР всего 85, и это узловые хозяйственные пункты страны, где "уголовная буржуазия" имеет наиболее возможностей и приносит наиболее вреда. Вопрос об этом Уже поднят и близок к положительному разрешению.

2. Лжегосударственная форма деятельности частного капитала

Вторым методом буржуазного накопления в первый период нэпа была лжегосударственная форма деятельности частного капитала. Под лжегосударственной формой существования частного капитала я имею в виду то, когда частный предприниматель развивает свою деятельность, выступая формально в качестве государственного служащего, состоя на службе и получая служебные полномочия. Он производит свои действия по видимости как государственный служащий, а на деле осуществляет эти операции как частный предприниматель. На деле тут имеется договор между частным поставщиком, частным подрядчиком, частным заготовителем и государственным органом. Но формально этот поставщик, подрядчик, заготовитель и т.д., считаясь государственным служащим, действует не от своего имени, а от имени госучреждения. Таким образом, он пользуется соответствующими льготами, например свободой от налога, или, если речь идет о заготовке дров, низкой попенной платой, или, если речь идет о постройках, низкой оплатой социального страхования, какая полагается для государственных учреждений, и т.п. Одним словом, он пользуется всеми преимуществами, принадлежащими государственному органу, а в действительности он – частный предприниматель, состоящий только в договорных отношениях с государственными органами. Это уже вторая стадия перекачивания госсредств в частный карман.

Первая стадия, первый период развития заключался в том, что люди в составе нашего государственного аппарата делали злоупотребления как тайные агенты и представители создающегося частного капитала. Вторая форма, вторая стадия выражается в том, что они уже не являются тайными агентами частного капитала в наших госорганах, но являются частными предпринимателями, действующими легально в качестве государственных служащих. Эта форма была распространена в виде так называемых "уполномоченных с особыми договорами", в виде входивших в штат агентов, "работавших на процентах, и в виде всяких "представителей" и т.п. Приведу несколько примеров такого рода деятельности.

В прошлом 1926г. нужно было заготовлять лошадей в пределах бывшей Киевской губернии для военного ведомства. Для этого дела нашлись разные заготовители, в том числе и одно

чисто административное госучреждение небольшого города этого округа выступило в качестве заготовителя лошадей для военного ведомства на таких началах.

Один частный подрядчик получил от этого госоргана мандат в том, что он является представителем такого-то госучреждения, которое и уполномочивает его закупать и заготовлять лошадей для поставок военному ведомству. Прибыль оставалась ему, но зато с каждой заготовленной лошади он обязан был, по договору, платить этому госучреждению 10 руб. с головы за пользование, так сказать, фирмой (из материалов Наркомфина, сообщенных в комиссии НК РКИ).

Здесь мы не имеем прямого злоупотребления, как было при первом методе, – здесь просто неразумие с нашей стороны, именуемое устройством при себе так называемого подсобного предприятия, действующего на основании хозрасчета. Таких предприятий при госбюджетных учреждениях у нас довольно большое количество, и многие развивают свою деятельность чрезвычайно оригинально. Но общая черта, сходство почти всех этих "подсобных предприятий" заключается в том, что они обычно являются прикрытием деятельности частного капитала, той лазейкой, которую частный капитал использует. Заготовитель готов платить кое-что учреждению для пополнения бюджета этого госоргана за то, чтобы получить его вывеску. Под маркой госоргана ему, например, легче и заготовлять лошадей, и продавать их, так как люди, имеющие с ним дело, думают, что имеют дело с госорганом.

Другой пример, более раннего времени и также весьма типичный, – Лошинский. Он был нашим государственным служащим, уполномоченным нашей национализированной технической конторы, до революции принадлежавшей когда-то известному инженеру Вари, Лошинский был принят на службу Ташкентской железной дорогой, которая поручила ему заготовлять лесные материалы (а потом то же сделала Западная железная дорога). У него имелась доверенность, из которой видно, что он является совершенно самостоятельным лицом, существующим на проценты с получаемых работ, причем железная дорога уплачивает этому своему "агенту по заготовке лесных материалов" себестоимость заготовительных лесных материалов плюс 25 % к этой себестоимости. Лошинский имел право по доверенности самостоятельно увольнять и принимать служащих и т.д. – одним словом, он являлся в полной мере частным подрядчиком, а формально числился агентом железной дороги по заготовке различных шпал и т.п., государственным служащим. В качестве такового он "работал" без залога, без

неустойки, без уплаты налогов и сборов, полагавшихся с частных лиц, на авансы дороги. Такая практика была в то время настолько общепринятой, что договор дороги с Лошинским беспрепятственно прошел пять инстанций. Сначала его утвердило управление дороги, потом финансово-техническая комиссия, потом финансово-контрольный комитет, потом Коллегия НКПС, потом междуведомственная комиссия.

Лесозаготовки вообще были излюбленной областью выступления частного капитала в лжегосударственной форме. Нет ни одной железной дороги в нашей стране, где бы в лесозаготовительных отделах (они раньше назывались железкомами) не были обнаружены крупные злоупотребления. Дело хозяйственных заготовок леса для железных дорог фактически осуществлялось в широких размерах частными поставщиками. Они принимались на государственную службу, получали мандаты и ссуды в качестве уполномоченных по заготовкам, но действовали самостоятельно, с легализованной в различных формах прибылью в свою пользу (процентное начисление на себестоимость и т.п.).

Вот этот метод я называю работой частного капитала в лжегосударственной форме. Тут уже не кража путем прямого злоупотребления, но легализация кражи (и работы на наши средства) на почве использования нашего неразумия. Поскольку подобные случаи бывают еще и теперь, необходимо воспретить всем государственным и кооперативным органам заключать договоры с какими бы то ни было государственными или кооперативными служащими, абсолютно воспретить иметь у себя таких служащих, которые работают на процентах, по особым договорам, являются "представителями" или "уполномоченными" указанного типа и т.п. Разумеется, для ручных продавцов-разносчиков, как моссельпромщицы, и для приказчиков в лавках, получающих небольшую премию с оборота, можно сделать изъятие, но общее правило надо провести в жизнь достаточно твердо.

3. Злостная контрагентура

Третий способ накопления частного капитала в первый период новой экономической политики - это так называемые контрагенты госорганов, но контрагенты злостные. Они уже не являются тайными агентами частного капитала внутри госаппарата и не являются уже вообще государственными служащими. Они уже вылупились из этой оболочки, уже открыто выступают в роли независимых частных контрагентов. Но они являются не контрагентами, производящими действительные коммерческие операции, а контрагентами, действующими исключительно в порядке злоупотреблений. Это та полоса контрагентов, которая особенно широко была развита приблизительно с 1921 по 1923 г. и только отчасти сохранилась в дальнейшем. Это такие контрагенты, которые в качестве основного капитала имели только связи и знакомства в советских учреждениях и при помощи их устраивали свои дела, а не путем затраты своих средств в сколько-нибудь эквивалентном соответствии с достигаемыми результатами.

Методы их действия можно свести к четырем основным типам. Они делали, например, заказ нашим государственным заводам, обеспечивая себе взяткой, во-первых, особо дешевое выполнение заказа, во-вторых, особую быстроту выполнения заказа и, в-третьих, особенно хорошее качество выполнения заказа. Благодаря этому они получали с наших заводов изделия, которые были лучше тех изделий, какие попадали нашим госорганам и кооперации, а во-вторых – имели возможность эти изделия продавать дешевле на рынке и побивать нашу собственную торговлю. Отчасти такие методы и сейчас еще имеют успех, но реже.

Второй тип таков. Они давали нам заказ под большую неустойку, в случае если наш завод не выполнит его к сроку. Причем было заранее условлено между такого рода частным заказчиком и соответственными коммерческими деятелями нашего завода, что заказ, конечно, не будет выполнен в срок. Стало быть, этот частник получит большую неустойку, которой потом и поделится с кем следует.

Третий тип контрагентуры этого рода был такой, что они брали различные подряды для нас, поставки, заготовки, не давая никаких залогов. Раньше, до революции, при царизме, когда подрядчик брался что-нибудь поставить для казны, построить казарму или что-нибудь еще, с него брали всегда залог, что он действительно в силах это сделать. Брали определенную сумму,

он должен был внести в депозит казны определенный процент от суммы договора в качестве обеспечения, что он свое дело выполнит. У нас, по нашей неопытности, незнанию, по недобросовестности тех коммерческих служащих, которых мы получили из буржуазного аппарата и которые нам этого не говорили, система залогов не применялась. Мы сдавали частному предпринимателю подряды, заказы, поставки и никаких залогов не требовали. Наоборот, – и это четвертый тип подобной контрагентуры, – сплошь и рядом мы еще авансировали их, т.е. давали этому частнику средства: мы даем ему вперед известную сумму, а он обязуется произвести для нас такие-то и такие-то вещи. Бывали, и нередко, такие случаи, что он деньги заберет и ничего не сделает или вообще не вкладывает в дело никаких своих средств, все ведет на наши авансы и наживает прибыль прямо за наш счет.

Вот те четыре метода, которые особенно широко были использованы так называемыми контрагентами госорганов в первый период нэпа (а в некоторой мере сохранились и сейчас). Есть список частных так называемых технических и транспортных контор, которые в большом количестве были учреждены в Москве и в Ленинграде в 1921 и 1922 гг. Их основным и единственным занятием была контрагентура с госорганами. Из этих контор не оказалось ни одной, которая не кончила бы судебным процессом. Поэтому дела этих технических и транспортных частных контор могут быть хорошо изучены. Среди контрагентов второго периода нэпа, т.е. 1924-1926 гг., появляются уже и реальные, но контрагенты первого периода, 1921-1923 гг., были сплошь лицами, которые под видом коммерческих договоров с госорганами организовали фактическое хищение государственных средств. Характерной чертой являлась длительность этих хищений. Например, в Ленинградском порту это продолжалось шесть лет, в Ленинградской таможне – пять лет, в Рауспирте – три года, в Главном военно-хозяйственном складе – три года и так далее. Каждый раз в дело вовлечены были некоторые частные конторы и большой круг служащих, бывало по 50 и 100 человек, с помощью которых все обделывалось.

Приведу только один пример – из Ленинграда. Имеется в Ленинграде спекулянт по имени Семен Пляцкий. Он проходит, как рассказывает тов. Кондурушкин, через целый ряд судебных процессов разных госорганов. Он миллионер, был миллионером и до революции – металлоторговец. Весь период военного коммунизма он был нашим государственным служащим. В 1921 г., когда началась новая экономическая политика, он стал частным предпринимателем, и вот с тех пор проходил уже по

восемнадцати судебным хозяйственным процессам. По всем восемнадцати процессам он был осужден. Процессы эти прошли в Ленинграде в последние годы в суде, а самые злоупотребления происходили в течение ряда предшествующих лет. Сюда относятся: процесс Франко-русского завода, дело Государственного машиностроительного треста, дело "Красного путиловца", дело Треста массового производства, дело Московского треста средней металлической промышленности, дело Ленинградской губинспекции мест заключения, дело завода "Большевик" и т.д. Тов. Кондурушкин пишет о нем: "По всем делам осужден, но по всем делам жив и здоров. Два раза сидел в ЧК и оба раза возрождался, как феникс". Платил нам подоходный налог. Годовой оборот его составлял около 3 млн. рублей. Был связан более чем с тридцатью государственными учреждениями. В данный момент (апрель 1927 г.) опять в тюрьме. Так вот этот делец, например, заводу "Большевик" заказал прокатать 25 тыс. пудов стали из материалов завода. Цена Пляцкому была назначена ниже себестоимости. Заказ (валы) был выполнен из высокосортной стали, подходящей по составу к инструментальной. Заказ Пляцкому был выполнен на месяц раньше срока, между тем аналогичный заказ Сестрорецкому оружейному заводу был исполнен на месяц позднее, и задержаны были заказы Волховстрою. Заказы Пляцкому выполнялись из материалов завода, но тем не менее Пляцкий под них получил широкий кредит в нашем Госбанке. Этот банковский кредит он использовал для своих других оборотов. Далее, этот заказ был заклеймен буквой "Г", что является специальной ответственной маркой завода "Большевик", указывающей на особо высокое качество товара, т.е. этот товар особенно охотно должны были рвать с руками все наши нуждавшиеся в металлотоварах госорганы. Наконец, управляющий завода Серов выдал еще Пляцкому мандат в том, что Пляцкий является "представителем завода". Само собой разумеется, что администрация завода в значительной части была на откупе у Пляцкого, как показал затем суд. Когда в 1924 г. стали подозревать злоупотребления и Севзапвоенпром ВСНХ написал на завод "Большевик" предложение прекратить исполнение дальнейших заказов Пляцкого, на это предложение заведующий отделом технических заказов Каптерев написал такой официальный доклад: "С Пляцким заключены договора по всем правилам юриспруденции. Безответственные лица Севзапвоенпрома считают, что в Советской России не существует никаких правил и законов, ограждающих права частных промышленных предприятий. Пляцкий – крупный и выгодный для завода заказчик, так как дает

заказы не микроскопические и не гомеопатические, которыми пичкает завод Севзапвоенпром. Я пишу в защиту моральных принципов, обязательных для завода по отношению к заказчику". Каптерев, который так защищал "моральные принципы", тоже наш государственный служащий, как выяснилось на суде (это дело слушалось в Ленинградском губсуде в 1925 г.), получал от Пляцкого взятки систематически три года, с 1922 по 1924 г., и его моральные принципы стоили государству 100 тыс. руб.

Этот пример ярко показывает природу контрагентских договоров госорганов с частными лицами периода первых лет новой экономической политики. Контрагентские договора этого времени – это такого рода договора с частными капиталистами, когда те уже открыто фигурируют в качестве частных капиталистов, но когда договора основаны не на действительных коммерческих сделках, а на сделках одностороннего характера, т.е. на перекачивании из государственного кармана в карман частного контрагента, без какого-либо эквивалента. Практика всяких поблажек частнику настолько вошла в то время в сознание коммерческих специалистов, ведших работу в государственных органах, что иногда на суде они прямо так и высказывались. Вот, например, представитель Среднеазиатской железной дороги Игнатенко. Его спросили на суде, почему он никогда в договора с частными лицами не включал условия о том, чтобы они вносили залог. Игнатенко ответил, что ведь это все равно означало бы лишь перекачивание денег из одного кармана государства в другой. Когда же его суд спросил, какая же здесь возможна перекачка, он ответил: ведь если где-либо у нас и взимается залог с подрядчика, то не выше чем в размере от 5 до 10 %, в то время как аванс при заказе выдается всегда в размере не менее 25 %. При такой практике, конечно, Игнатенко мог считать себя не сделавшим особо непростительной :оплошности, если он вообще был искренен, а не разыгрывал простачка.

Чтобы хоть в некоторой степени оградить себя от того круга контрагентов, которые своей специальностью сделали такое облапошивание казны, решительно без всякого эквивалента, надо обратить внимание на то, что в длинном ряде случаев мы все время имеем дело, в сущности, с одними и теми же лицами (как и в случае хозяйственных преступлений служащих госорганов). Есть несколько тысяч таких "уголовных предпринимателей", которые Упорно занимаются хозяйственной работой с государственными органами, и есть большое количество госорганов, которые продолжают с ними работать, продолжают работать с такими, как Пляцкий. Восемнадцать раз его судили, тридцать государственных органов от него пострадали – и все-таки он

получал возможность вновь и вновь вступать в хозяйственные сношения с теми же или другими госорганами. Необходимо, чтобы частный предприниматель при заключении договоров с государственными органами представлял справку о несудимости. Возможно установить обязательность справки о несудимости и для того, чтобы частный предприниматель мог кредитоваться в обществах взаимного кредита или иных кредитующих учреждениях. О запрещении жительства осужденным в крупных городах уже указано выше. Это не значит, что мы исключаем для них всякую возможность существования. Пусть они переселяются на Дальний Восток и организуют там сельские хозяйства, но без наемных рабочих и за свой счет, потому что у них есть для этого средства. Сейчас делается подобный опыт, правда, не с крупными нэпманами, а с мелкими торговцами – имею в виду переселение мелких торговцев евреев из западных городов СССР в южную Украину и Крым, где им дают землю и где они организуют трудовые земледельческие хозяйства. Это продолжается уже четыре года, переселилось уже около 100 тыс. чел., и результаты оказываются хорошими. Люди превратились в настоящих крестьян, так что в этом году многим из них дано уже избирательное право. Они находятся под контролем местных органов, и установлено, что они действительно сами работают физически, живут в землянках, ведут тяжелый образ жизни, но организуют хозяйство. И поскольку у старой буржуазии, которую лишим возможности заниматься злоупотреблениями, есть молодежь, есть дети (а может быть, кто-нибудь и из самих буржуев захочет обратиться к трудовой жизни), мы не закрываем им дороги. Можно открыть им доступ на пустующие земли Дальнего Востока и предоставить заниматься там трудовым сельским хозяйством и т.п.

Кроме запрещения госорганам иметь дело с патентованными уголовными элементами, надо, конечно, запретить также систему авансирования, как правило, систему отсутствия залогов, систему частных заказов нашим заводам с неустойками и т.п. В качестве свежих примеров беззаботной увязки государственных средств в авансах частным предприятиям можно привести ряд банкротств частных фирм в Москве в 1926 г. Частный капиталист продает вперед госорганам и кооперации продукцию своей фабрики, получает большие авансы и затем банкротится. С него уже ничего не получишь, деньги ушли бесповоротно в каналы частнокапиталистического обращения. Доклад в комиссию НК РКИ "Увязка государственных и кооперативных средств в частных делах" (февраль 1927 г.) приводит, между прочим, такие примеры.

Частная фирма "Московское текстильное товарищество" набрала у госорганов и кооперации полмиллиона рублей авансами под свою будущую продукцию и обанкротилась. Частное общество "Универснаб", имеющее суконную фабрику в Глушкове, также набрало авансов под будущие запродажи и т.п. и обанкротилось, причинив государству убыток в 600 тыс. руб. Частное общество суконных фабрик "Русстекстиль", имея своего капитала 200 тыс. руб., системой авансов от госорганов и кооперации довело свои обороты до 2630 тыс. руб. Частное общество "Россторг" (трикотажная фабрика), частная фабрика гребенок и целлулоидных изделий "Триумф" и т. д. и т. д. – все это процветает работой на государственные и кооперативные средства в виде авансов. Казалось бы, нет ничего проще, как госорганам и кооперации взять эти фабрики и вести их самим на те средства, какие они выдают сейчас частным предпринимателям в виде авансов. Была бы экономия на всю наживу частника. Тем более, что среди этих фабрик - ряд арендованных у госорганов же. Частная фабрика имеет для нас смысл тогда, когда в нее вложены частные средства. А в случаях, когда работа ведется на государственные средства, нет смысла организовывать это дело как собственность наживающегося на нем капиталиста. Такая система авансов означала бы создание накопления буржуазного капитала за государственный счет и потому должна быть отменена.

4. Неликвидные фонды. Автомобильный и водной транспорт

Четвертый метод накопления буржуазного капитала – это использование того, что у нас называется неликвидными фондами. Первая форма – тайные агенты частников в рядах госаппарата. Вторая – частник, работающий легально в государственной форме. Третья – контрагентство частного капитала по отношению к госорганам, основанное на злоупотреблениях. Четвертая – это есть уже использование неликвидных фондов (запасов государства) коммерческим путем, т. е. путем приобретения их частным капиталом на льготных условиях, вытекающих уже не из взяток, а из нашего собственного головотяпства. Неликвидных фондов в нашем государстве чрезвычайно много. Все, что было конфисковано в 1917 г. и в последующие годы у буржуазии, поскольку не было переработано затем в производстве, поскольку не было распределено во время военного коммунизма между населением, осталось лежать грудой весьма слабо учтенных неликвидных фондов на государственных предприятиях. С другой стороны, неликвидный фонд пополнялся и вещами нового происхождения, нового производства или импорта (привоза из-за границы) в зависимости от тех или иных распоряжений хозяйственных органов. Например, "СНХ в 1925 г. предписал усиленно реализовать неликвидные фонды заводов и фабрик, т.е. продавать их на сторону, чтобы увеличить этим путем оборотные средства предприятий. Затем дана была директива в целях ускорения оборота капитала и наименьшего вложения его в празднолежащие вещи – сократить количество запасов в наших производственных и торговых предприятиях. В результате мы имели даже в последние годы целую волну отчуждений государственных имуществ частным лицам по пониженным ценам, не говоря уже о первых годах нэпа.

Вот несколько примеров. ГУМ в 1926 г. (данные специального обследования РКИ) из всей импортной галантереи, т.е. из той галантереи, которая привезена из-за границы, которая была оплачена нами золотой валютой для специального насыщения внутреннего рынка, – ГУМ в стремлении к сокращению мертволежащего запаса 80 % импортной галантереи продал частным лицам. Из оптовой продажи ГУМа в 1926 г. вообще 56 % всех товаров продано частным лицам.

Ленинградодежда, когда ликвидировала свое неликвидное имущество, вполне исправные автомобили продавала по цене от

400 до 600 руб. за штуку, а цена исправного автомобиля сейчас у нас считается не менее 10 тысяч рублей. Затем Ленинградодежда годные пишущие машинки продавала по цене от 5 до 35 рублей за штуку. Она же продала5 тысяч бочек ненужного ей цемента по цене 1 р. 25 к. за бочку, а в бочке 10 пудов цемента. Между прочим, часть цемента она потом купила обратно по значительно более дорогой цене (из сводок т. Кондурушкина).

Приняла заметные размеры продажа автомобилей частным лицам под влиянием режима экономии. Я получил справку от Центрального управления местного транспорта НКПС от 14 января 1927 г. за . 39 о том, что до настоящего времени различными госорганами продано частным лицам 1661 автомобиль, из них 1218 легковых, 422 грузовых и 21 специального назначения (а кроме того, 4 тысячи мотоциклетов). Эти автомобили в среднем проданы по цене от 400 до 500 руб. за машину. Режим экономии вызвал во всех трестах,, госорганах и т.д. стремление скорее избавиться от своего автомобиля, чтобы не ругали на собрании ячейки, в газете, чтобы не попасться на язык какому-нибудь зубастому оратору, и потому не гнались за ценой, лишь бы сбыть с рук.

По той же справке Управление местного транспорта, ремонт и приведение этих машин в полный порядок обходились покупателю в среднем от 500 до 700 руб. Следовательно, вся затрата частного покупателя на машину вплоть до приведения ее в полную готовность в среднем составляла около одной тысячи рублей. Так как машина стоит около 10 тыс. руб., то легко подсчитать, что по 9 тыс. руб. государственного имущества на каждой машине мы дарили. А если помножить эти 9 тыс. на 1600 машин, то получится, что более 10 млн. руб. подарено частнику только на одних автомобилях. Чистый доход частника с машины, по подсчету ЦУМТ, составляет около 2 тыс. руб. в год. В частных руках в итоге "реализации неликвидных фондов" находится теперь уже около 8 % всего автомобильного транспорта СССР. В будущем необходимо установить сдачу излишних (по режиму экономии) автомобилей отделам коммунального хозяйства местных Советов вместо продажи их за бесценок частникам.

Распродажа неликвидных фондов создала таким образом в данном случае новую отрасль частного хозяйства – автомобильный транспорт. Таким же образом в порядке реализации "малогодных" и "излишних" неликвидных имуществ был создан и частный водный транспорт. Это производилось таким образом. Вот, например, бывший купец первой гильдии Легач купил у Фонкомбалта в Ленинграде за 5 тыс. руб. следующие вещи (заимствую и этот пример из сводок т.

Кондурушкина): 1) один буксирный пароход в 44 индикаторные силы; 2) один плашкоут грузоподъемностью в 7 тыс. пудов; 3) один плашкоут длиной в 10 саженей; 4) одну железную баржу грузоподъемностью в 6 тыс. пудов; 5) одну железную баржу грузоподъемностью в 10 тыс. пудов; 6) одну железную баржу грузоподъемностью в 9 тыс. пудов; 7) шаланду 71; 8) железную баржу грузоподъемностью в 7 тыс. пудов; 9) буксирный пароход, который один стоит много дороже этих 5 тыс. рублей. Необходимо отметить, что во главе этого Фонкомбалта стояли инженеры-специалисты. Купив этот небольшой водный флот, этот самый Легач начал затем конкурировать с Государственным пароходством, получая заказы на перевозку от Нефтеторга и других государственных учреждений. Легач продолжал и далее скупку за бесценок неликвидного имущества, в которое попадали стальной и пеньковый трос, листовое железо и пр. Купил 40 тыс. пудов стали из бортов старых судов и в конце концов заключил вместе с бывшим владельцем завода сельскохозяйственных орудий договор с Ленинградским лесным институтом на шесть лет на эксплуатацию 18 тыс. десятин леса института в Парголовском лесничестве для выгонки скипидара, смолы и угля.

Такого же рода продажи "неликвидного" водного транспорта происходили и в других местах. В результате у нас создался не существовавший в 1920 г. частный речной и морской водный транспорт, начавший затем местами играть некоторую роль в перевозках. По данным ЦСУ, частный водный транспорт в 1923 г. оценивался менее чем в 3 млн. руб., а в 1925 г. – уже свыше 10 млн. руб. По справке ЦУМОРА НКПС от 4 февраля 1927 г. за ЭР/3-15, на 1 января 1926 г. цена частного флота на одном только Черном море составляла около 2 млн. руб. (в том числе 307 судов свыше 20 т, т.е. каждое свыше 1200 пудов грузоподъемностью) и на Каспийском море – 600 тыс. руб. Главная часть – на реках. Перевозки частного флота (морского и речного) в 1925 г., по данным ЦСУ, составили около 3,6 % всего нашего водного грузооборота. В следующем, 1926 г. частный речной и морской флот, по предварительным данным НКПС, перевез даже 7 % всего нашего речного и морского грузооборота. Часть наших судов из-за этого стоит на приколе или работает слабой нагрузкой. По данным ЦСУ (с. 419 "Справочника" на 1927 г.), из всех паровых и непаровых судов речного флота СССР принадлежало в 1924 г. частным лицам 15,2%, а в 1926г. – уже 33% всего их числа (13 469 судов в 1926 г.). Конечно, частным лицам принадлежат более мелкие суда, преимущественно непаровые, так что по грузоподъемности это составляет лишь около 5 %. Речные и морские пароходы и суда, принадлежащие частному капиталу,

приносят прибыли за год около 2 млн. руб. Конечно, не приняты во внимание лодки, принадлежащие некапиталистическим трудовым перевозчикам, и т.д. Частный водный транспорт заметную роль играет, в частности, в ослаблении для частника тех затруднений, какие созданы для некоторых частных грузов (как хлеб) специальным регулированием государственного транспорта. Наркомторг пишет, например, в своей записке по этому поводу:

"В период навигации частник скупал лучшее зерно и перевозил цельное зерно в обработанном виде водным- путем на частных судах по Волге, Дону и Каспийскому морю. Караваны по Волге в раз провозили по 10-15 тыс. пудов хлебных грузов, сделав несколько десятков рейсов за сезон" (с. 24 записки). На Днепре, в Крыму и т.д. роль частника в водном транспорте была не меньше. По телеграмме в "Правду" из Одессы от 26 мая 1927 г. Совторгфлот установил, что в настоящее время частный морской тоннаж на Черном и Азовском морях составляет уже 19 % по отношению к тоннажу Совторгфлота.

Я остановился подробнее на создании частного автомобильного и водного транспорта распродажей по дешевке "неликвидных фондов" ввиду специального значения этого вида продаж. Здесь создавалось звено, вовсе отсутствовавшее в частнокапиталистическом и вообще в частном хозяйстве до тех пор. Но сама практика дешевого сбыта в частные руки так называемых "неликвидных фондов" гораздо шире и весьма разнообразна. Рудметаллторг – организация, которую в настоящее время обследует НК РКИ, – должна заниматься, между прочим, выяснением и реализацией лома, т.е. металлических частей старых, негодных паровозов, военных судов и т.п. и громадных запасов металла в деле и не в деле ("снарядные стаканы" и т.п.), валяющегося на некоторых заводах. Из этого металлического лома и старья наши государственные заводы, переплавляя его, должны приготовлять новый металл. Оказывается, однако, что разбор и судьба этого лома определялась иногда Рудметаллторгом весьма странно. Он продавал как лом пригодную медную паровозную арматуру – продавал частному обществу "Универснаб". Продавалось с железных дорог по 4 рубля за пуд прутковое железо и тысячи пудов инструментальной стали, особенно ценной, так как из нее делаются инструменты. Судотрест так же "выгодно" продал 70 тыс. пудов железного лома и 9 тыс. пудов стружки. Северная железная дорога продает по 40 копеек за пуд как лом годное сортовое железо, причем "в одни ворота ввозится сортовое железо, полученное из ВСНХ, а из других это железо уходит как

лом" (Кондурушкин) и продается в качестве лома по 40 копеек за пуд, и т.д.

5. Хищническая аренда

Пятым способом первоначального накопления буржуазного капитала в первый период нэпа было развитие так называемой "хищнической аренды" государственных промышленных заведений частными предпринимателями. В 1921 г. было разрешено сдавать в аренду бездействующие государственные предприятия, был образован так называемый арендный фонд. По всему СССР цена его, по оценке ЦСУ, составляет примерно 250 млн. руб. Это цена тех фабрик, предприятий и заводов, которые были предназначены к сдаче в аренду.

Мы находили возможным сдать, ибо они у нас стояли. Каковы были в первый период нэпа условия этой сдачи? Теперь уж можно подвести некоторые итоги, есть возможность судить, что из этого вышло.

Те арендные договоры, которые заключены в последнее время, скажем, в 1925/26 г., сравнительно приличны, они обеспечивают, что те предприятия, которые мы сдаем в аренду, не будут разрушаться и что вместе с этими предприятиями мы не передаем частному арендатору еще крупного добавочного имущества в виде запасов, лежащих на сдаваемых в аренду заводах и бесплатно передаваемых арендатору. Но как раз в 1925/26 г. очень мало предприятий сдавалось в аренду, потому что подавляющая часть их была сдана в аренду в первые годы нэпа. А в первые годы нэпа в большинстве случаев предприятия сдавались с большими запасами, на них лежавшими. За эти запасы ничего не бралось. Эти запасы вывозились из предприятий, продавались арендаторами, которые много на них наживали. Во-вторых, предприятия сдавались тогда на невыгодных условиях для государства, не обеспечивавших даже, что будет получаться хотя бы нормальный процент на вложенный в них капитал, не говоря уже об амортизации. Недавно, например, вышел отчет по арендному фонду МСНХ, выпущенный арендным управлением МСНХ. Из него видно, что по арендному фонду МСНХ (Москвы и Московской губернии), который составляет около 85 миллионов рублей, – это одна треть всего арендного фонда всего Союза, – за 1924/25 г. получено арендной платы только 1 992 000 руб., т. е. два с половиной процента. Это меньше даже самого минимального нормального процента на капитал, это совершенно не дает амортизации. Происходит проедание основного капитала сданных в аренду государственных предприятий в пользу частных арендаторов. Наконец, ничтожно мал ремонт на арендованных предприятиях.

Не выполняется даже то, что было обусловлено в арендных договорах.

Таким образом, итог аренды первого периода нэпа таков, что происходит почти бесплатное расхищение государственных ресурсов, перекачивание из государственного кармана в частнокапиталистический.

Приведу пару примеров, что происходило под видом аренды предприятия по материалам судебных процессов, сведенным т. Кондурушкиным.

В Ленинграде Отдел коммунального хозяйства сдал в аренду двум предпринимателям, Шустрову и Епифанову, целую улицу. В Ленинграде есть Горсткина улица, и вот эта улица со всеми лавками, со всеми складами, со всем, что там есть, целиком была сдана в аренду двум хозяевам. Горсткина улица до революции была средоточием оптовой торговли мясом и овощами – это был центр снабжения ими Ленинграда. Эти два предприимчивых человека, Шустров и Епифанов, получили за два года чистого дохода 800 тыс. руб.

В том же Ленинграде один из лучших домов, бывший Елисеева, известного ресторатора, дом 56 по проспекту 25 Октября, шесть лет был почти в безвозмездной аренде, потому что актер Ксендзовский "смазывал" заведующего Комотхозом за хорошие арендные условия. Один иск к арендаторам был затем предъявлен на два миллиона рублей, каковые следовало бы с них получить.

Теперь уж не взыщешь.

Есть у нас два завода, один называется "Молния", другой – "Бетта". Это лучшие заводы по выработке гальванических элементов во всем государстве. Они и до революции не имели себе в этом отношении конкурента. До революции ими управлял некий Гезерих, который был совладельцем заводов, а с 1921 г. он их взял в аренду. Причем он взял их в аренду на условии, чтобы имущество было оценено по спискам самого Гезериха, который он составил менее чем в одну десятую действительной стоимости, как это было установлено затем на суде. Это дало возможность Гезериху продавать изделия заводов на 30 % ниже прейскуранта государственных заводов с той же продукцией. Между прочим, было довольно распространенным явлением, что продукция арендованных заводов по своей дешевизне била на рынке продукцию наших госзаводов, потому что наши государственные заводы полностью оплачивали расходы производства, а арендованные заводы часто сдавались на таких условиях, когда им материалы и запасы надолго предоставлялись почти бесплатно.

Охтенский цех Петрозавода был взят в аренду с запасами, которые не были учтены. Взявшие его в аренду инженеры продали в свою пользу неучтенное, как бы подаренное им имущество: 89 тыс. пудов снарядных станков, ножовки, сверла, напильники, медная стружка, двухтавровые балки и т.д. Все это продавалось различным госорганам и госзаводам. На суде адвокат этих арендаторов говорил: "Государство здесь не пострадало, так как все к нему вернулось обратно". Но только государство заплатило своим арендаторам за то, что само дало им бесплатно.

По поводу всей этой арендной практики надо сказать следующее. Мы не запрещаем и не стремимся к запрещению частной промышленности в тех отраслях, где считаем, что работа ее может быть для нас полезной. Я ниже еще остановлюсь на том, в каких отраслях мы считаем ее в настоящее время допустимой. Но при этом желаем, чтобы частные промышленники вкладывали в дело их собственные средства, а не просто путем хищнической аренды перекачивали государственные средства в свои карманы. Поэтому условия арендных договоров должны быть проверены – тех арендных договоров, которые были заключены в первый период нэпа. Они должны быть изменены в том смысле, чтобы имели коммерчески оправдываемый характер. Вместе с тем должна более широко, чем до сих пор, проводиться передача этих арендованных предприятий союзам кооперации (не ниже губернских или окружных) вместо оставления их в руках хищнической части арендаторов. Наши законы позволяют пересмотреть и отменить всякий договор, как только выясняется его общественная нецелесообразность.

6. Система перекупок

Шестым способом накопления частного капитала у меня отмечены перекупки. Под перекупками имеется в виду скупка частными торговыми предприятиями изделий государственной промышленности через подставных лиц в розничных государственных и кооперативных магазинах – сверх того, что частным торговцам легально продают оптом сами госорганы. Эта система сейчас процветает. По данным Наркомторга за прошлый 1925/26 г., из всех изделий государственной промышленности, поступающих на рынок широкого потребления, население купило у частных продавцов 35 %. Но государственные органы (тресты, синдикаты, местные торги и т.д.) продали частным торговцам только около 15 % этих изделий госпромышленности. Остальные же 20 % частные продавцы скупили из розничных лавок нашей государственной и кооперативной сети через подставных лиц (данные Наркомторга опубликованы т. Дволайцким в сборнике "На путях социалистического строительства", с. 135). Эти подставные лица и составляют в значительной мере те очереди, которые так часто можно теперь встретить на улицах. На эти 20 % приходится соответственная часть той прибыли, какую частный капитал извлекает из своей торговой деятельности. За 1925/26 г. эта прибыль на нелегальных перекупках, судя по данным о всей торговой прибыли частного капитала, о строении частной торговли и о роли в ней торговли этой частью госизделий, должна была составить не менее 25 млн. руб. Секция частного рынка ГЭУ НКТорга СССР приводит в своем обзоре за октябрь-декабрь 1926 г. длинный ряд примеров, указывающих на своеобразную черту в этих перекупках. Именно сплошь и рядом перекупки оказываются организованными крупными частными оптовиками. Через целую сеть агентов они скупают в госмагазинах и кооперативах столько товара, что потом отправляют его для продажи в другие города. Если покупает мелкий розничник, то он здесь же и продает потребителю, а не связывается еще с частноторговой сетью других городов. Вот, например, на с. 3 и 4 упомянутого обзора приводятся такие сведения о торговле нелегально перекупаемой мануфактурой. В Ленинграде через сеть агентов частный капитал скупает в розничных госмагазинах и кооперативах столько мануфактуры, что потом, во-первых, снабжает население на 40 % всей мануфактуры, покупаемой вообще жителями Ленинграда, а во-вторых, продает нелегально скупленную в нашей рознице мануфактуру даже в Москву, не говоря уж об отправке в другие

города. Особенно распространена также перепродажа скупленного товара портным и другим кустарям, нуждающимся в мануфактуре. Между прочим, такое снабжение кустарей сырьем сопровождается иногда также сдачей кустарями изготовленных ими изделий .тому же предпринимателю, какой снабдил их сырьем, нелегально скупленным через своих агентов. Размах этих операций, отправка больших партий в другие города, организация снабжения кустарей, даже величина отдельных покупок в госмагазинах - все свидетельствует о том, что большей частью мы имеем тут дело с организованным выступлением крупного капитала, а не с мелким "трудовым" перекупщиком. Эти перекупщики действуют преимущественно не за свой счет, а как нанятые агенты торговых капиталистических предпринимателей.

В Киеве частники получали партии государственной мануфактуры главным образом из нелегально скупаемой в московской госрознице и московских кооперативах. "Обзор" НКТорга пишет:

киевские частники скупали фабричную мануфактуру через перекупщиков в московском кооперативе ГПУ, в московском кооперативе "Октябрь" и других (с. 3); частью же скупали через агентов в киевских кооперативных и государственных магазинах. О получении подобными нелегальными путями мануфактуры из центральных городов "Обзор" сообщает относительно Свердловска, Самары (на 90 %), Минска, Саратова, Тифлиса, Днепропетровска и других городов. Все это явно указывает, что нелегальная скупка в советской рознице мануфактуры организуется именно капиталистическим торговцем, а не каким-либо ручным разносчиком, ибо последний не смог бы организовать затем перепродажу скупаемого товара по всей стране, притом даже не прямо потребителю, а провинциальным торговцам.

В Ростове-на-Дону две частные оптовые фирмы (Текстильсбыт и Черненко) занимались лишь тем, что закупали у целого ряда розничников мануфактуру, полученную последними по договору с Всероссийским текстильным синдикатом, и продавали ее затем с надбавкой до 50 % против цен синдиката (с. 4 "Обзора"). Здесь перед нами одни из приемов, какие частный капитал практикует для обессиления системы прямых договоров госорганов с частным розничником. Эта система введена как раз для исключения из торговой цепи капиталистических оптовиков и для ограничения цен, какие розничник будет брать при продаже полученной им по договору мануфактуры. По видимости, все так и происходило. Розничник получал мануфактуру от госоргана по договору, минуя частного оптовика, потом продавал эту

мануфактуру по договорным ценам – но продавал не потребителю, а частному оптовику, а тот затем организовал продажу уже "на своих условиях".

В Ташкенте не прикреплено к госорганам две трети частников. Товар они получают через "целый ряд нелегальных распылителей мануфактуры, как, например, все кооперативы инвалидов" (с. 4 "Обзора"), А некоторые частники этой группы закупают мануфактуру еще и в других городах Средней Азии.

В Одессе "почти все частники-мануфактуристы" получают товар мелкими партиями из Москвы, Ленинграда и даже из Туркестана и Сибири, закупая его там на частном рынке (у частных "заготовителей", организующих на месте нелегальную скупку через своих агентов в советской госрознице). [1] Даже такие расстояния не останавливают. Раз известно, что в Сибирь и Туркестан завезено много мануфактуры для заготовки хлеба, сейчас же там начинается параллельная "заготовительная кампания": частный капитал через перекупщиков скупает часть этой мануфактуры для переотправки в те города страны, где можно получить за нее особо высокую цену, хотя бы они были так далеко, как Одесса.

Трудно хоть сколько-нибудь точно установить, какая часть всей нелегально производимой перекупки из советской розницы организуется капиталистической частью частной торговли, а какая практикуется за свой счет мелкими местными киоскными и тому подобными торговцами для пополнения своих скромных запасов. Впечатление получается такое, будто почти вся нелегальная скупка из советской розницы организуется капиталистическим торговцем, а не мелочником. Из осторожности, во избежание преувеличений – но совершенно произвольно – принимаю для дальнейшего, что на долю частного капитала в нелегальных перекупках приходится не свыше двух третей, а на долю местных мелких торговцев – одна треть. По итогу обследований и материалов НКТорга, как опубликовал т. Дволайцкий, всего таким путем переходит в частные руки 20 % всей товарной государственной продукции для широкого рынка (средства потребления). Это означает, что из всей товарной продукции (не только средств потребления), – не только государственной, но всей промышленности, – таким путем частная торговля получает 8 %, причем из них, по нашему допущению, около 5 % проходит через капиталистическую частную торговлю и около 3 % скупается прямо мелким частным розничным торговцем (для непосредственной перепродажи потребителю, хотя и по повышенной цене).

Изделия госпромышленности, не проданные последней

частному оптовику, попадают к нему, впрочем, не только скупкой через подставных лиц в розничных магазинах, часто имеет место своеобразное посредничество госорганов. Такой госорган покупает товар у госпромышленности – товар считается благополучно избегнувшим частных рук, а потом купивший госорган спокойно (или с беспокойной совестью, как когда) перепродает его частному оптовику.

Вот, например, в 1925 г. во время бумажного голода издательство ВЦСПС "Вопросы труда" продало бумагу издательству "Земля и фабрика", тоже советскому. Издательство "Земля и фабрика" перепродало эту бумагу частникам и в Ленинграде, и в Москве за наличный расчет.

Представитель Госторга в Калуге получает из Москвы 2 тыс. пудов риса (а в рисе большой недостаток), и тотчас же этот рис возвращается обратно в Москву, куда Калужский Госторг перепродал его частному оптовику. Такие же вещи происходят с пряжей, галошами, красками и другими товарами.

Как бороться с нелегальной скупкой товаров из наших розничных лавок, организуемой частным капиталом через подставных лиц? По-видимому, наиболее действительным способом явилось бы сейчас создание при крупных учреждениях и при крупных фабриках своего рода закрытых распределителей. Из них продукты должны отпускаться только рабочим и служащим данного предприятия и учреждения по профсоюзным и кооперативным книжкам. Но и такой порядок, конечно, не дает полной гарантии. Разрешение этого вопроса лежит по линии общего вопроса о вытеснении частной торговли, что возможно лишь на протяжении ряда лет.

7. Контрабанда

Седьмой метод нелегального образования и накопления частного капитала – это деятельность его в области внешней торговли. Во внешнюю торговлю частного капитала прежде всего входит контрабанда, а во-вторых – овладение импортными товарами разными другими путями.

Что касается контрабанды, то, по сведениям Главного таможенного управления, за последний, 1926 г. ввезено контрабанды примерно на 60 млн. руб. золотом, считая по тем оптовым ценам, которые существуют на границе. Разумеется, попадая в Москву и другие центры, где эти товары сбываются в розничной продаже, они стоят уже не 60 млн. руб., а 120 млн. примерно. Это есть оборот контрабанды по ввозу.

Что именно ввозится? Значение контрабанды для частного торгового капитала заключается главным образом в пополнении ассортимента частной торговли такими родами и видами товаров, которые необходимы для более полного удовлетворения того зажиточного круга покупателей, с каким частная торговля в значительной степени имеет дело. Главное таможенное управление считает (данные о контрабанде беру из представленной им мне справки), что оно задерживает примерно равномерно из всех перевозимых контрабандой товаров одну десятую часть. В этой оценке оно основывается на своих наблюдениях за ряд лет и на других сведениях. Поэтому если судить о составе всей ввозимой контрабанды по той десятой части, которая конфискуется, то можно считать, что ввозятся по европейской границе, через которую идет главная масса контрабанды, преимущественно следующие предметы: кожаные изделия и обувь – 12 %, галантерея – 11 %, вязаные изделия бумажные – 13 %, пряжа и остальные бумажные изделия – 12 %, шерстяные ткани – 20 %, прочая мануфактура – 5 %, и на все остальное приходится 27 %. Это означает, например, что на 15 млн. руб. по розничным ценам ввозится одних только вязаных бумажных изделий – вязаных кофточек, чулок и трикотажных изделий. Если бы предположить, что эти вязаные изделия – только кофты и если считать за среднюю цену этих кофт в Москве 50 руб., то это означало бы, что ввезено 300 тыс. таких кофт. Если бы считать, что ввозятся только чулки, и считать их по 5 руб. за пару, то ввезено 3 млн. пар чулок. По этим цифрам мы можем судить о масштабе ввезенных бумажных вязаных изделий. Это только 13 % всей контрабанды; остальное приходится на другие предметы.

Контрабанда является контрабандой только для нас, для СССР. А те заграничные фирмы, которые организуют контрабандный ввоз в Советское государство, они по ту сторону границы действуют легально, открыто совершают свои операции, и все это подлежит наблюдению всех наших органов и всякого желающего. По всей нашей западной границе с Эстонией, с Латвией, с Польшей существует (по той стороне) ряд так называемых "транзиток". Транзитки эти стоят почти у самой пограничной линии. Они являются базой, складами для товаров, ввозимых в наше государство контрабандным путем, а вместе с тем служат местом отдыха для контрабандистов и своего рода биржей труда для них, где та или иная фирма нанимает их для производства операции. Эти транзитки идут на расстоянии 20-25 верст одна от другой вдоль всей западной границы. Они служат также приемными пунктами для контрабандного вывоза товаров от нас за границу.

Иногда эти потусторонние пограничные пункты служат для весьма своеобразных операций предприимчивых людей и с нашей стороны границы. Уполномоченный МСПО т. Залесский, командированный в конце ноября 1926 г. в Батум для закупки конфискуемых контрабандных товаров, сообщает следующее:

"Существует порядок, что если кто-либо из пограничных жителей донесет агенту погранотряда о местонахождении контрабанды и тот ее задержит, то известный процент с суммы, вырученной на аукционе за этот конфискат, идет пополам задержавшему и осведомителю (треть). Это создало своеобразный промысел. У самой границы имеются турецкие фирмы, торгующие специально контрабандой. Приграничные жители переходят без затруднений границу, покупают, часто в долг, товар у этих фирм и переносят его на нашу сторону. Здесь перенесший сообщает погранотряду о нахождении им товара, а дальше все следует как по писаному. Товар конфискуется, продается с аукциона, и выдается премия осведомителю и задержавшему. Эта премия у нас составляет сумму большую, чем стоит товар в Турции. Например, пачка светочувствительной бумаги (для фотографии) стоит на наши деньги в Турции около рубля (от 95 до 97 копеек), а продается на аукционе за сумму от 10 до 14 руб. Пудра "Коти" на турецкой стороне – от 9 до 10 руб., а на нашем таможенном Батумском аукционе – от 54 до 60 руб. дюжина. Коверкот (шерстяная материя на пальто) в Турции – около 6 руб. за метр, а на нашем аукционе – от 33 до 34 руб. за метр. Инспектор ГТУ т. Сталь взял в Батумской таможне на выдержку опись конфискатов и подсчитал стоимость по турецким ценам и сумму выплачиваемой премии. Оказалось, что за товары,

которые стоят в Турции 2 400 руб., одной премии у нас приходилось 3 000 руб. Таким образом, выгодно ввозить контрабанду даже для того, чтобы самому заявить о ее находке, – благодаря разнице цен премия не только покрывает расходы, но еще и оставляет прибыль".

За границей существуют специальные фирмы по контрабандной торговле с СССР. Например, одно время очень широко шла организация контрабандного ввоза чая к нам фирмой Высоцкого из Варшавы. До революции это была большая чайная фирма внутри России, поддерживавшая, между прочим, материально эсеровскую партию. После революции Высоцкий переселяется в Варшаву и оттуда организует контрабандный ввоз чая в СССР. В южной полосе, особенно на Украине, одно время контрабандный чай Высоцкого преобладал на нашем внутреннем рынке. Высоцкий публиковал в Польше свои отчеты, как полагается каждой крупной фирме. Теперь мы в значительной мере вытеснили его благодаря тому, что более широко поставили торговлю чаем наших государственных и кооперативных органов и понизили несколько его цену.

Открытые контрабандные операции сопровождались еще полуконтрабандными в форме так называемых "посылок". Был такой закон, по которому можно было из-за границы получать почтой посылки товарами на имя отдельных лиц. Этих посылок за 1925/26 г. было доставлено на 10 млн. руб. по иностранным оптовым ценам (по той же справке Главного таможенного управления). Эти посылки прибывали легально главным образом в таможни Ленинградскую и Московскую. По нашим внутренним розничным ценам цена их составляла не менее 30 млн. руб. На пять шестых они имели целью перепродажу, а не личное потребление. Общий оборот контрабандной и полуконтрабандной (посылочной) частной торговли по ввозу в СССР из-за границы составлял, таким образом, за последний год по розничным ценам около 150 млн. руб.

Сумма частного капитала, оборачивающаяся во всей этой торговле, ориентировочно принимается около 20-25 млн. руб., а годовое чистое накопление - около 10 млн. руб.

Но в руки частного капитала попадает не только девять десятых контрабандных товаров, которые они благополучно провозят через границу, но и почти целиком та одна десятая, какая, по данным ГТУ, нами конфисковывалась. Все таможни то, что они конфискуют, продают с аукциона, причем на аукционы обычно являются только частники, которые скупают почти все. Главное таможенное управление доставило мне справку за период времени с 1 октября 1926 г. по 1 января 1927 г. о том,

кому продана таможнями вся конфискованная контрабанда. Оказывается, что из всего конфискованного таможни продали частным лицам: Батумская таможня – 66,5 %, Бакинская – 86,5 %, Тифлисская – 50 %, Шепетовская (на польской границе) – 85 %, Каменец-Подольская – 99,8 %, Минская – 56 %, Московская – 50,6 %, Благовещенская (на Амуре) – 78 %, Хабаровская – 75 %, Владивостокская – 77 %, Ташкентская – 91 %, Полторацкая – 100 % и т.д. Одним словом, в среднем до 75 % всех конфискованных нами товаров попадает затем в порядке аукционной продажи опять представителям контрабандных фирм, которые приходят на аукцион и покупают там то, что конфисковано у их агентов. А затем отправляют и эту часть контрабандных товаров в различные города СССР уже вполне легально.

Участие частного капитала во внешней торговле, контрабандное и полуконтрабандное, сопровождается специальной организацией скупки частными фирмами тех импортных товаров, которые ввозятся государственными органами. Вот, например, существуют в Москве три частные фирмы, одна из которых называется "Техинструмент", другая – "Электрометалл", а третья – просто по фамилии владельца. Они специализировались на закупке по СССР инструментальных товаров (из соответствующего целевого импорта), для чего у них имеется целый штат агентов, разъезжающих по разным городам и скупающих в госорганах эти импортные товары. А затем эти фирмы снабжают скупленными инструментами как частников, так и нуждающиеся в них государственные органы (подробности опубликованы в "Правде" от 1 августа 1926 г.).

Замечателен пример целевого импорта для Карской экспедиции.

У нас каждый год из Архангельска через Ледовитый океан отправляется специальная экспедиция через Карское море для снабжения товарами Сибири. Для этой Карской экспедиции без таможенных пошлин привозятся из Англии некоторые импортные товары (целевой импорт). Так вот, священники православной церкви учредили артель, которая называется "Масловоск". Эта артель имеет целью, по-первых, снабжение богомольного населения церковными свечами, а во-вторых, вообще коммерческие операции доходного характера. В настоящее время существует большой голод на квебраховый дубильный экстракт, который привозится из Канады и необходим для выделки кож. Он дорог, его ввозят мало, имея в виду, конечно, государственные кожевенные заводы. И вот артель священников "Масловоск" купила у Архангельского губторга из бронированного беспошлинного фонда (целевого импорта) 900 пудов

квебрахового экстракта. Это для квебрахового экстракта очень большое количество (подробности опубликованы в "Правде" от 29 июня 1926 г.).

Битумсланец (у нас имеется такой трест) продал частнику на триста тысяч рублей церезиноля (из импортной канифоли и воска), продал частнику 10 тыс. пудов импортного гарпиуса и т.д. Понятно, такие громадные сделки происходят не с ручными разносчиками, а с крупными оптовиками.

Таким образом, кроме контрабанды и полуконтрабанды, частный капитал скупает еще /наших государственных органов часть тех импортных товаров, какие для него вовсе не предназначались. Выше было уже приведено, что у ГУМа 80 % импортной галантереи скупили в 1926 г. частники, которые продавали ее затем дальше.

В связи с торговлей контрабандными товарами наблюдается интересное явление: в пограничных портовых и других городах, которые являются средоточием контрабанды, роль частной торговли иногда растет не только абсолютно, но и за счет уменьшения других видов торговли (государственной и кооперативной).

Вот, например, Новороссийск. Вообще надо сказать, что кавказское побережье, особенно Закавказье, является местом с весьма развитой контрабандой. Особенно Батум является одним из первокласснейших ее центров, но Новороссийск тоже неплох. В Новороссийске за последнее полугодие 1925г. общий оборот торговли увеличился более чем на 60 %. Но при этом обороты частной Торговли возросли на 80 %, в то время как оборот государственной торговли возрос только на 53 %, а кооперативной – всего на 33 %. Удельный вес частника в связи с этим поднялся до 47 % общего оборота торговли (подробности опубликованы в "Правде" от 23 мая 1926 г.). Так как контрабандные товары идут через частную торговлю, то в излюбленных пунктах контрабанды увеличивается и роль частной торговли.

Последнее звено в цепи экспортно-импортных операций частного капитала составляют сделки по ввозу и вывозу смешанных акционерных обществ, уже совершенно легальные в отличие от всех описанных выше путей. По подсчету нашего Берлинского торгпредства, за полугодие 1926 г. из всего нашего ввоза из Германии приблизительно половина проходит по специальным, подконтрольным Торгпредству поручениям различных организаций, главным образом государственных органов (Нефтесиндиката и т.д.). И вот в составе этой половины около пятой части составили покупки для импорта в СССР

смешанных акционерных обществ, т.е. по отношению ко всему ввозу из Германии около 10 %. В данный момент трудно установить, насколько устойчиво это соотношение и насколько характерно также для ввоза из Англии и др. стран. Но если и не 10 %, то все же несколько процентов в нашем импорте на долю частного капитала (в форме смешанных и концессионных обществ) надо положить уже совершенно легально. Кроме того, внутри СССР происходят еще сделки концессионных предприятий, привозящих из-за границы разные товары с целью перепродажи их дальше на рынок (например, дело Анилтреста в Московском губсуде в 1926 г. по сделке с Московским отделением германской фирмы "Востваг" по покупке красок, 10 тыс. пудов динитрохлоробензола и др.).

Если взять процент, какой составляет импортная внешняя торговля частного капитала в СССР по отношению к оборотам всей частной торговли в СССР, с одной стороны, и если взять, с другой стороны, весь импорт в СССР – государственный, кооперативный и частный вместе – по отношению ко всему внутреннему торговому обороту СССР (в государственной, кооперативной и частной торговле вместе), то оказывается, что эти две величины мало отличаются. Если государственный и кооперативный импорт составляет примерно 3 % по отношению к государственному и кооперативному внутреннему торговому обороту, то и частный импорт в своих нелегальных и легальных формах вместе составляет тоже примерно 2,5-3 % к частному внутреннему торговому обороту СССР. Подобно тому как государственная и кооперативная торговля внутренняя имеет своим дополнением внешние торговые отношения, подобно этому и частная торговля имеет свое внешнее торговое дополнение примерно почти в том же проценте.

Участие частного капитала в импортной торговле подразумевает участие частного капитала и в экспортной торговле, так как он должен чем-нибудь оплачивать то, что привозит. Отчасти оплата производится контрабандным вывозом за границу советского льна и других предметов сырья, которые заготовляются близ европейской или азиатской границы в пограничных районах, отчасти – тайным вывозом драгоценных камней и т. п. изделий и, наконец, вывозом валюты и золота непосредственно. В этом отношении характерно, что из всего контрабандного экспорта, который был конфискован нашими таможнями за 1925/26 г. по европейской границе, на валюту пришлось 87 %, а на товары только 13 % (та же справка Главного таможенного управления). Считается подлежащими органами, что за год не менее чем от 15 до 20 млн. руб. золота в его

натуральной форме частный капитал переправил за границу за контрабандные товары, а остальное оплатил драгоценными камнями, платиной, вывозом льна, вывозом различных художественных изделий и т.д. Частный капитал использует при этом как старые свои запасы золота, так и не скупаемую государственными кредитными учреждениями часть потребительских переводов иностранной валюты из-за границы и, наконец, новый прилив к нему золота в натуре как от частных мелких приискателей Сибири, так и путями, о которых речь будет еще идти в разделе о валютных операциях.

8. Государственный денежный кредит

Следующий путь образования частного капитала – одностороннее снабжение его государственным денежным кредитом. Если бы мы выдавали частному капиталу в виде кредита сумму, равную тому, что частный капитал сам вкладывает в наши кредитные учреждения, тут не было бы никакого одностороннего снабжения частных капиталистов для развития их операций государственными средствами. Но у нас, как показало специальное обследование, предпринятое НК РКИ, в области банковского денежного кредитования имели место другие условия.

Существуют в настоящее время в СССР вообще такие формы кредитования частного капитала. Во-первых, авансирование при заказах, поставках и подрядах – об этом уже сказано выше. Во-вторых, товарное кредитование трестами и синдикатами. Есть такие отрасли промышленности, товары которых в некоторых районах трудно сбыть без участия частников, даже оптовиков. Трудно сбыть потому, что там еще нет кооперативной сети, или она еще очень слаба, или этот товар очень тяжел на подъем, трудно его продвинуть, например соль, керосин. Вот на такого рода товары, а иногда, к сожалению, и не только на такого рода товары частникам оказывается товарный кредит нашей промышленностью. За 1925/26 г. такой кредит давался все время приблизительно на 190 млн. руб. На будущее время необходимо будет ограничить рамки товарного кредита только случаями, когда это необходимо для государства, не допуская "стихийного" складывания отношений в этой области между трестами и частными оптовиками в сторону ненужного благоприятствования частному капиталу.

Затем существует государственное кредитование частного капитала под займы. Государство устраивает государственные займы, выпускает ценные бумаги, частные лица их покупают и закладывают потом в Госбанке или в других государственных учреждениях. Об этом виде кредита речь будет в следующем разделе, а сейчас будем говорить только о снабжении частного капиталиста государством денежными средствами в форме выдачи денег Госбанком или другими государственными банками либо прямо под векселя частных капиталистов, либо под те векселя государственных и кооперативных органов, которые капиталисты представляют для учета и т.п.

На 1 октября 1926 г. денежное кредитование частного капитала нашими банками сверх тех сумм, которые сам частный

капитал вкладывает в наши банки, составляло около 100 млн. руб., как видно из следующих справок официальных органов. По четырем главным советским банкам (Госбанк, Промбанк, Мосгорбанк, Все-кобанк) с их провинциальными отделениями прямой коммерческий кредит частному капиталу на 1 октября 1926 г. составил 44 млн. руб. Кроме того, предоставлено 31 млн. руб. государственных и кооперативных денег частным обществам взаимного кредита для кредитования частного капитала. Затем на 28 млн. руб. учтены нашими банками векселя частных торговцев и предпринимателей, представленные госорганами. Наконец до 5 млн. руб. составляет прямое и косвенное денежное кредитование всеми провинциальными горбанками и прочими государственными кредитными учреждениями (Внешторгбанк, Цекомбанк и т. д.). Итого 108 млн. руб. (без кредитов под займы).

Вложили	Получили	Вложили	Получили
65 р.	26 988 р.	100 р.	13 586 р.
772 -"-	36409-"-	184 -"-	15318-"-
10 -"-	8 328 -"-	171 -"-	56 141 -"-
2 257 -"-	44 238 -"-	105 -"-	36124-"-
122 -"-	13023-"-	201 -"-	146 847 -"-
186 -"-	17 087-"-	68 -"-	11 000-"-
ничего	25912-"-	ничего	26 000 -"-
16р.	3 617-"-	93р.	10 000 -"-
ничего	7 396 -"-	ничего	5 000 -"-

Этому противостоят вклады частных лиц и предприятий в государственные кредитные учреждения в размере 311/2 млн. руб. (тоже на 1 октября 1926 г.). Однако оказывается, что когда потом оттуда получают кредит капиталисты, то получают кредиты не те, которые вкладывают. Вкладывают в наши кредитные учреждения очень многие лица из государственных служащих, из лиц свободных профессий, из ремесленников, из других "маленьких людей". Они смотрят на помещение денег в государственные кредитные учреждения просто как на способ хранения в безопасности с получением к тому же приличного процента. А берут деньги оттуда взаймы сравнительно

немногочисленные крупные частнокапиталистические фирмы, которые сами вкладывают в наши банки крайне мало. Вот, например, по специальному обследованию, произведенному в Москве НК РКИ, оказалось, что главная масса из всего кредита в московских отделениях Госбанка, Промбанка и Мосгорбанка, предоставленного на 1 октября 1926 г. всем частным лицам, принадлежит только 69 фирмам. Причем эти 69 фирм сами вложили своих средств в Госбанк, Промбанк и Мосгорбанк только пять процентов тех сумм, которые мы им одолжили. Выходит, таким образом, что мы этих оптовиков, этих крупных промышленных и частных предпринимателей снабжаем средствами для их оборота без равного эквивалента с их стороны (в том смысле, чтобы и они к нам вкладывали свои свободные средства). Такое же соотношение оказалось для них по этим банкам и на 1 декабря 1926г. (даже менее 5 %).

Вот несколько сравнений для некоторых отдельных частных фирм, сколько они вложили в наши банки и сколько получили из них на 1 декабря 1926 г. кредита:

Этот список можно было бы очень значительно продолжить. В общем из 31 1/2 млн. руб. вкладов частных лиц приходится на вклады тех капиталистов, кого мы кредитуем, не более 8 млн. руб. Следовательно, те частные фирмы, которым наши банки оказывают денежный кредит, получили от нас около 100 млн. руб. сверх того, что внесли нам. Это и составляет величину чистого денежного кредита, какой государство оказывает частному капиталу (сверх кредита под госзаймы). Эта сумма дает возможность частным капиталистам организовывать такого рода деятельность, которую они без этого кредита развить бы не могли. Бывают иногда в этом отношении примеры совершенно сногсшибательного свойства. Вот, например, наши грузинские товарищи долго удивлялись тому, как боржом – боржомская вода распространяется по всему СССР частным предпринимателем Кебадзе. Этот Кебадзе является контрагентом Грузинского Курупра (орган Наркомздрава, ведающий боржомом), и, по их сведениям, был человеком без денег, а между тем боржом распространяет и в Сибири, и в Москве, и в Ленинграде, и в других местах. Каким образом он это делает? А очень просто. Он берет боржом у Курупра, затем закладывает его в Госбанке, либо даже Курупр учитывает в Госбанке векселя этого частника, получается 200 тыс. руб. Кебадзе везет боржом в Москву, в Москве получает еще кредит и т.д. (Вообще обследованием НК РКИ установлено, что часто одна и та же частная фирма получает денежный кредит одновременно в разных наших банках.) Это оказывается настолько выгодным, что предприимчивый Кебадзе

рассчитывал уже открыть экспорт боржома в крупные города Америки и даже отправил вагон боржома Форду. В июне 1926 г. на Малом театре в Москве висит плакат: "Представитель НКЗдрава-Кебадзе" ("Красная вечерняя газета" от 4 июня 1926г.).

Химический завод "Калорифер" (частный), якобы выпускающий перетопленное сало, хочет кредитоваться в Госбанке. Госбанк поручает своему агенту посмотреть завод. Завод оказывается "работающим на полном ходу" и получает кредит в Госбанке. Оказывается впоследствии, что этот выпуск сала был единственным в практике этого завода за весь год, его выпустили исключительно для агента Госбанка. Это дело слушалось в Московском губернском суде в 1926 г. (из материалов т. Кондурушкина).

А другой завод, мыловаренный, работал "беспрерывно", но, как оказалось потом, всегда варил одну и ту же массу. Когда бы ни пришел агент Госбанка на завод, на заводе всегда имеется запас массы для переварки и дежурный человек, чтобы ее варить. Но вся эта махинация начинается только тогда, когда идет агент Госбанка для осмотра.

А вот восемнадцатилетний мальчик по фамилии Бравый; он организует товарищество "Древпром" с капиталом 100 руб. Товарищество это получает кредит в Госбанке и через два-три месяца ворочает делами, ставит 75 тыс. лопат железным дорогам и т. д. В силу практической трудности контроля над тем, как пользуется частный капитал получаемым кредитом и насколько имеется основание для кредитования, кредиты Госбанка частнику превращались порой в средство добавочного вскармливания частного капитала без пользы для страны.

Между тем надо сказать, что штамп Госбанка означает такое же почетное клеймо на коммерческом рынке, каким на старых золотых и серебряных изделиях служила "проба". Если частный предприниматель доставляет удостоверение о том, что он кредитуется в Госбанке, то это уже гарантия его солидности, ему открыт кредит в целом ряде государственных и кооперативных органов, с ним имеют дело как с надежным человеком, и дела его развиваются очень хорошо - ибо предполагается, что Госбанк уже знает, что делает, и дальше проверять нечего.

Тов. Кондурушкин рассказывает, как частному предпринимателю Петрице и его компаньону Инглинку, бывшему миллионеру, который производил земляные работы на недавней Сельскохозяйственной выставке в Москве, удалось получить даже не кредит, а гарантийное письмо Госбанка, и что из этого вышло. Они сняли с этого гарантийного письма заверенные копии и разослали заграничным фирмам и советским учреждениям.

Эффект получился полный. Они успешно завязали переговоры с заграничными фирмами "Алямерико" и др., с европейским лесным концерном, даже с Нобелем, получили "из-за границы заказ на 50 тыс. шпал, получили в аренду Нижегородский лесопильный завод в Майкопе, до революции оценивавшийся в миллион рублей, почти успели получить паркетный завод в Батуме, бывший де-Гай, фабрику гнутой мебели в Майкопе "Майбук" и т.д. – когда вдруг попались на неаккуратно данной взятке в 100 тыс. рублей и были арестованы.

Петрица в настоящее время уже расстрелян. Между прочим, на суде выяснилось, что они приступили к работе, имея только помещение в одну комнату и штамп с наименованием своей фирмы, а под ним очень длинный список товаров, которые они будто бы заготовляют и производят на собственных предприятиях и заводах. Госбанк, очевидно, не устоял против такой представительной видимости.

Вывод, который из всех этих примеров надо сделать, заключается в том, что кредитование частных предприятий, поскольку оно необходимо (а в ряде случаев оно пока еще необходимо, хотя гораздо меньше практиковавшегося), нужно сосредоточить в Обществах взаимного кредита, т.е. в частных кредитных учреждениях, которые фактом кредитования штемпель государства (Госбанка) частной фирме не ставят, не вызывают специального доверия к этим капиталистическим предпринимателям. При этом самые общества взаимного кредита (ОВК) надо твердо подчинить нашим указаниям, чтобы сделать из них орудие кредитного регулирования частного капитала государством. Для этого также нужно все кредитование частного капитала сосредоточить только в ОВК, запретив одновременное кредитование одной фирмы в разных банках.

Между тем в 1926 г. общества взаимного кредита представляли собой собственную кредитную сеть частного капитала, которая росла довольно быстро и деятельность которой почти не регулировалась государством, хотя изрядную часть своих средств они получали от государства. На 1 сентября 1926 г. по сравнению с 1 октября 1924 г. число обществ взаимного кредита с 86 увеличилось до 280 - более чем в три раза. Количество их членов возросло с 20 000 человек до 87 200 членов - более чем вчетверо. А сводный баланс возрос с 14 млн. руб. до 99 млн. руб., т.е. в семь раз за два года (все данные по докладу комиссии НК РКИ). Выше указано, что в том числе там находится 31 млн. руб. государственных и кооперативных средств для коммерческого кредитования частного капитала. Вполне возможно, чтобы был введен представитель Госбанка в их

правления, который контролировал бы, что деньги идут не на заготовку частниками кожи или масличных семян, которую мы считаем вредной, и не на такого рода виды частной торговли и промышленности, какие признаются государством нежелательными, и, наконец, не на дальнейшее усиление крупных оптовиков [2], а, наоборот, чтобы они использовались только на те отрасли частного предпринимательства, какие мы считаем сейчас допустимыми, например на такую частную промышленность, которая производит изделия из сырья, имеющегося у нас в избытке, но такие изделия, каких у нас не хватает, и т.п. Таким образом, те суммы, которые мы сейчас вкладываем в работу частного капитала в форме денежного кредита, будут в наших руках не просто стихийным анархическим финансированием частного капитала в значительной мере на что ему угодно, а будут средством, при помощи которого мы сможем в некоторой степени держать в руках и направлять его деятельность в ту сторону, в какую целесообразно. Самые размеры кредита должны быть уменьшены до пределов сумм, какие вкладывают в кредитные учреждения сами частные лица (кроме случаев особых государственных заданий по специальным постановлениям, буде такие оказались бы необходимыми).

9. Государственные займы

Следующий путь накопления частного капитала в период нэпа – это накопление путем участия в наших государственных займах. Здесь мы имеем картину чрезвычайно интересную. На 1 октября 1926 г. вся сумма наших государственных займов составляла 417 млн. руб. (без займа хозяйственного восстановления – все данные по справке Госбанка от 23 февраля 1927 г. и старшего инспектора НК РКИ СССР т. Зангвиля от 25 февраля 1927 г.). Из них 234 млн. руб. составляют такие займы, в которых частные лица принимают участие. Остальные займы размещены целиком исключительно среди государственных органов, например в них помещаются резервные фонды госпромышленности и т.д. Из тех 234 млн. руб., который могут приобретать и частные лица, они на 1 октября 1926 г. имели на 126 млн. руб. номинально, а по выпускному курсу это составляло 115 млн. руб. (остальное из этих займов размещено среди госорганов). Но это не значит, что от частных лиц в порядке государственных займов мы действительно получили 115 млн. руб. Часть билетов займа заложена в Госбанке, причем Госбанк тем, которые закладывали, выдавал около 70 %. Скажем, облигация займа (билет) стоит 5 руб., Госбанк при залоге выдает 3 руб. 50 коп., значит, сам владелец затратил на это дело только полтора рубля. Таких ссуд частным лицам выдано более 35 млн. руб., а своих средств они вложили около 77 млн. руб. Но из этих 77 млн. руб. часть вложена мелкими держателями, а именно 45 млн. руб., н они получили ссуд всего около 7 млн. руб. Это главным образом служащие, рабочие, лица свободных профессий, ремесленники и т.п., приобретающие билеты займов не для спекуляции, а как способ помещения своих сбережений. При отсутствии займов они помещают свои сбережения в сберегательные кассы, где получают 8 % в год с освобождением от налогов. (На 1 октября 1926 г. на "нетрудовые элементы" и "прочих" вместе приходилось только 14,5 % суммы вкладов.) На l марта 1927 г. вклады в сберегательные кассы составляли уже 134 млн. руб. ("Финансы и народное хозяйство" от 21 апреля 1927 г., с. 3), и с тех пор ежемесячно прибавляется около 5-10 млн. руб. перевеса вкладов над обратным получением. Таким образом сберегательные кассы дают государству более значительный приток реальных средств, чем государственные займы. Притом вклады в сберегательные кассы не вызывают со стороны государства таких больших расходов, как займы. Накопляющийся невостребуемый остаток наличных денег в сберегательных кассах

обычно заменяется государственными обязательствами, а средства сберегательных касс передаются Госбанку. Госбанк пускает их в оборот на финансирование промышленности и других отраслей государственного хозяйства. Из получаемой прибыли он выплачивает сберегательным кассам их 8 % годовых для вкладчиков. Следовательно, развитие вкладов в сберегательные кассы имеет для государства то же значение, как и выпуск государственных займов, только при более выгодных условиях, без всяких "залогов" и т.п.

Но государственные займы выпускались в расчете не на мелкого трудового держателя, а в надежде привлечь таким образом частный капитал и таким путем получить возможность использовать его для полезных государственных целей, поэтому и доходность госзаймов была установлена столь высокой, чтобы они могли привлечь частных капиталистов. В 1925/26 г. средняя фактическая доходность билета госзаймов составила для их владельцев 36 % в год (доклад т. Зангвиля от 25 февраля 1927 г. по официальным данным). С привлечением действительного частного капитала в государственные займы (а не мелких трудовых держателей) дело обстоит, по официальным подсчетам, следующим образом.

На долю частного капитала приходится всего 32 млн. руб. вложения им своих средств в госзаймы. Но из них 14 млн. руб. вложены были в принудительные займы, существовавшие до 1925 г. Это не было добровольным вложением частного капитала в наши займы, и это не давало капиталистам особых выгод. Просто лица из нетрудовых элементов, о которых узнали, что они имеют большой доход, обязаны были купить назначенное им количество билетов займа. За невыполнение полагалось наказание. Получившие билет принудительного займа капиталисты не имели права продавать его.

С начала 1925 г., по мысли тогдашнего наркома финансов т. Сокольникова, решено было перейти к системе добровольного вовлечения частного капитала в государственные займы. Для этого отменена была принудительность займов, разрешено было продавать кому угодно уже полученные билеты займов. Выгодность займов для желающих купить их была очень значительно повышена. В момент выпуска новых займов выгодность их делалась еще больше разными дополнительными мерами государственных финансовых органов и при некоторых займах доходила до десяти процентов в месяц (например, при подписке на 2-й крестьянский заем). Введена была практика, при которой капиталисту под покупаемый им билет займа выдавалась государственная ссуда в 70 % цены билета, так что капиталист из

своих средств должен был затратить только 30 % (а считался собственником целого билета и получал доход за целый билет). Наконец, чтобы доказать капиталистам, каким выгодным делом является обладание билетами государственных займов, органы Наркомфина стали усиленно скупать билеты прежних, до 1925 г., принудительных займов, затрачивая государственные средства, чтобы поднять их цену. Тем самым давалась возможность их владельцам сбыть их с рук и кое-что нажить сравнительно с той ценой, какую они имели до этой операции Наркомфина.

Операция эта по обоим прежним займам (первый выигрышный и второй) развернулась в течение трех первых месяцев 1925 г. и дала очень выгодные для частного капитала результаты. Цена наличными деньгами по биржевому курсу за одну (пятирублевую по наименованию) облигацию займа составляла:

	1 января 1925 г.	1 апреля 1925 г.
1-й заем	1 р. 94 к.	3 р. 27 к.
2-й заем	92 к.	3 р. 24 к.

В среднем цена каждого билета (облигации) поднялась почти на 1 р. 70 к. Это дало возможность затем капиталистам при постепенной продаже прежних своих билетов государству (и отчасти мелким трудовым держателям) положить в свой карман добавочно около полутора десятков миллионов рублей и вернуть обратно эту часть прежних своих расходов на займы.

Таким образом, частному капиталу наглядно была доказана выгодность помещения его средств в госзаймы, и затем было приступлено к выпуску добровольных займов. В них частный капитал вложил до 1 октября 1926 г. от 16 до 18 млн. руб. (по подсчетам разных финорганов) своих средств, получив при этом еще около 30 млн. руб. государственных ссуд и всего имея в своей собственности примерно на 50 млн. руб. билетов добровольных госзаймов. Легко видеть, что при фактической средней доходности в 36 % и при наживе от продажи старых принудительных билетов по повышаемому курсу частный капитал должен был за протекшее время более чем полностью вернуть себе все свои расходы по приобретению добровольных займов (от 16 до 18 млн. руб.). И в итоге он имеет еще за "здорово живешь" на несколько десятков миллионов рублей билеты государственных займов, по которым государство в точно установленные законом сроки должно будет уплатить владельцам займов полностью значащуюся на билетах сумму. Надо заметить,

кстати, что билеты государственных займов и доходы с них освобождены от всех государственных налогов.

Таким образом, в такой практике займов частный капитал нашел весьма пригодное средство для того, чтобы наживаться, ничего на это в конечном счете не затрачивая и не платя за наживу налогов (в отличие даже от хищнических видов частной аренды или торговли). Словом – золотое дно. В отношении к частному капиталу проведенные т. Сокольниковым добровольные займы правильнее было бы назвать, таким образом, не государственными займами от частного капитала, а государственными подарками частному капиталу. Наш убыток на этом деле – это та цена, какую мы заплатили за слишком большие надежды на роль частного капитала и слишком непродуманный подход к делу. Начальник валютного управления НКФ СССР т. Юровский об итогах этого периода госзаймов в своем докладе "О политике госкредита и задачах Госфондконторы" говорит следующее: "1925/26 г. извне государственного сектора не дал новых средств, но и часть средств была возвращена". Иначе сказать, в виде процентов и погашения мы платили больше, чем реально получали сами. Реально – это означает, если из номинальной (по названию) купленной суммы займов вычесть наши ссуды (до 70 %), какие мы выдавали частному капиталу для облегчения ему покупок. Тов. Юровский резонно добавляет: "Снижение процентов – совершенно необходимая вещь, потому что временно можно было выпускать государственные займы и платить за них гораздо больше, чем государство само могло за них получить, но это могло быть только временно" (там же). Иначе сказать – пока печальный опыт не показал слишком наглядно установленное этой практикой обогащение частного капитала без реального возмещения для государства.

Первый серьезный шаг сделан в текущем 1926/27 г., когда Наркомфином условия онколя и другие изменены так, что реальная доходность при онколе по прежним займам составила вместо 46 % уже только 24 % годовых (по 1-му выигрышному, 2-му крестьянскому), а новые займы 1927 г. (10-процентный) стоят государству, согласно 17 "Финансов и народного хозяйства", даже только 14 % (с. 7). Необходимо свести доходность займов не более чем до 12 %, т. е. до нормального в наших условиях в данный момент процента, и прекратить систему 70-процентных ссуд капиталистам под покупаемые ими займы; одним словом, из предмета спекуляции и одностороннего перекачивания государственных средств в капиталистические карманы сделать наши займы местом прочного и более усиленного помещения средств тех же и несколько более широких кругов, чем какие

пользуются сберегательными кассами. Тогда мы будем получать меньше по названию (отпадает часть, раздуваемая нашими же ссудами и т. п.), но более реально.

Следует заметить в заключение, что опыт размещения части наших займов среди капиталистов даже при условии очень высокой доходности этих займов (20-30 % в год) [3] показал, что частный капитал является в наши займы только на гастроли. Иначе сказать, он участвует в подписке на заем, ибо подписка обставляется особо выгодными условиями. А потом, сняв пенки, подкидывает билеты займов обратно государству, начиная их распродавать на бирже и заставляя государство купить их во избежание понижения курса [4]. А понижение курса может вредно отразиться на настроении и доверии к денежному кредиту государства со стороны мелких держателей, т. е. со стороны той основной некапиталистической массы, которая действительно прочно вкладывает свои средства в наши сберегательные кассы (преимущественно) и в наши займы (отчасти). Кроме всех прочих невыгод, практикой "завлечения" частных капиталистов мы давали им в руки, таким образом, еще и средство давления на наше валютно-кредитное маневрирование. Начатое уже понижение реальной доходности госзаймов должно сделать участие частного капитала в наших займах еще менее прочным. И потому в дальнейшем придется ориентироваться в этом отношении твердо не на спекулирующего частного капиталиста, а на сберегающего частного трудовика. В изданном к IV съезду Советов СССР номере своего органа "Финансы и народное хозяйство" Наркомфин подводит проделанному опыту такой правильный итог: "Нам не приходится строить наши займы в сколько-нибудь значительных размерах в расчете на частный торгово-промышленный капитал. Для этой группы держателей капиталов ценные бумаги являются объектом торговли, интересным только с точки зрения размеров извлекаемой при этом выгоды, между тем как мы не можем, конечно, давать по нашим займам такую высокую доходность, какую дают торговые операции" (статья т. Эпштейна "За два года", с. 7).

10. Валютные операции

Нажива от валютных операций – это есть десятый путь накопления частного капитала нелегальными и полулегальными приемами. Я имею здесь в виду прежде всего: 1) спекуляцию на курсе бумажных денег в период большого колебания этого курса, 2) торговлю иностранной валютой и различные операции с ней, 3) скупку золота.

Игра на курсе бумажных денег относится главным образом к периоду до 1924 г. Известное "даешь – берешь" заполняло в те годы так называемые "черные биржи" крупных городов в разных частях страны. Валютные спекулянты тщательно учитывали разницу фактических курсов советского рубля в разных частях страны и совершали переводы больших его партий из Москвы в Туркестан и т.п., используя для таких поручений, в частности, наш Госбанк. А потом выручку клали в карман. Всем этим операциям с советским рублем в последние годы нанесен сильный удар сравнительной устойчивостью червонца. За четыре года (с 1923 по 1927 г.) покупательная сила червонца изменилась всего на одну восьмую; по всесоюзному розничному индексу частной торговли, согласно конъюнктурному индексу НКФина, она в 1923/24 г. составляла 50,9 % покупательной силы равного количества золота в довоенное время (доклад проф. Кондратьева в Институте экономики 11 марта 1927 г.), а на 1 мая 1927 г. она равнялась 44,2 % (а если взять общеторговый индекс, включающий и кооперативную, и государственную розницу, то даже 49,7 % – см. очередную публикацию КИ в "Эк. Жизни"). Между тем до того она за один только год – с 1922 по 1923 г. – упала почти на треть, а еще раньше курс советских денег менялся на такие же величины иногда почти ежемесячно.

Это чрезвычайное сокращение размера быстроты колебаний подорвало почву под спекуляцией на колебаниях курса нашего рубля на внутреннем рынке как под специальной профессией определенной группы представителей частного капитала. Центр тяжести их деятельности перешел на другие операции – торговлю иностранной валютой и торговлю золотом.

Для торговли иностранной валютой подходящие условия созданы были оживлением за последние годы хозяйственных отношений с заграницей.

Часть валюты попадала в частные руки потребительскими переводами и присылками из-за границы (например, уехавшие при царском строе в Америку эмигранты – речь идет о миллионах людей – присылали доллары своим живущим в СССР

родственникам и т. п.); часть валюты притекала из-за границы в виде расплаты за контрабандный вывоз; часть, как увидим, попадала из государственных средств.

Кроме прямой спекуляции иностранной валютой на месте, происходят еще различными методами спекулятивные переводы за границу.

Каков объем спекуляции с иностранной валютой на частнокапиталистическом рынке в настоящее время – точно учесть конечно, невозможно. Для образца приведу выдержки из сделанного мне 24 марта 1927 г. сообщения весьма осведомленного лица о спекулятивном валютном рынке Закавказья за 1925/26 хозяйственный год. Сообщение это основано на тщательном изучении вопросов и всех имеющихся материалов, потому может считаться достаточно типичным для характеристики деятельности частного капитала в этой области. Вот что, между прочим, сообщает мой осведомитель:

"Основными пунктами валютной деятельности Закавказья являются несколько наиболее крупных городов, а именно: Баку, Тифлис, Батум, Эривань, Ганджа, Ленинакан, Кутаис, Джульфа, Нахичевань, Поти. Эти города в свою очередь обслуживают менее значительные пункты в провинции.

Таким образом, для определения приблизительного объема нелегальных валютных операций в закавказском масштабе достаточно выявить общий характер деятельности валютных рынков в указанных выше городах.

Главными объектами биржевого оборота являются: английские фунты, американские доллары, турецкие бумажные лиры и золотая десятка. В некоторых районах в валютном обороте участвуют также и персидские серебряные краны, операции с которыми приняли довольно интенсивный характер в середине 1925/26 г. на бакинском вольном валютном рынке.

По имеющимся данным можно приблизительно установить, что 30 % всех сделок с валютой проходят один оборот и оседают в твердых руках, 50 % имеют двукратное обращение и 20 % – преимущественно мелкие операции – оборачиваются три-четыре раза.

Суточный валютооборот по отдельным городам представляется в следующих цифрах: Баку – 40-45 тыс. руб., Тифлис – 20-25 тыс. руб., Батум – 10-13 тыс. руб., Эривань – 3-4 тыс. руб., Ганджа – 2 тыс. руб., Ленинакан – 10-13 тыс. руб., Кутаис – 1-1 1/2 тыс. руб., Поти – 1 1/2 тыс. руб., Джульфа – 1-2 тыс. руб., Нахичевань – 1 1/2-2 тыс. руб. и остальные мелкие пункты – 5 тыс. руб., а всего в пределах Закавказья суточный валютооборот выражался в среднем ориентировочно в 100 тыс.

руб. Хотя средняя прибыль на валютных операциях бывает весьма разнообразна, но если даже принять во внимание самый минимальный процент (2-2,5) и перевести его на годовой расчет, то получится чудовищно крупный барыш на спекулятивный частный капитал.

Последнее обстоятельство послужило причиной тому, что свободный частный капитал в крайне незначительном размере по сравнению с имеющимися у него возможностями участвовал на закавказском рынке в сделках с государственными займами.

Значительную роль в спекулятивных валютных операциях играет нелегальный вывоз за границу валюты и золота. Способы вывоза самые разнообразные, и основными являются следующие: обмен золота на привозимые контрабандные товары, переотправка через дипкурьеров иностранных миссий, через команды иностранных судов и т. д. Вывоз же драгоценных камней за истекший год выразился в сравнительно незначительных цифрах, что объясняется отчасти сильным вздорожанием бриллиантов (в среднем на 40 %).

Наряду со скупкой и продажей валюты особое место в спекулятивной деятельности на черных биржах Закавказья занимают так называемые "бараты" – нелегальные переводные операции персидских купцов, способствующие переброске в Персию в значительных размерах иностранной валюты и золота.

Баратные операции развиты главным образом в Азербайджане. Первоначальная клиентура – персидские рабочие на нефтяных и рыбных промыслах – с течением времени пополнилась персидскими купцами. Посредством баратных контор купцы переводили на родину излишки валюты, получавшиеся вследствие разницы на ввозе и вывозе товаров. Ввиду явной выгодности подобных операций большинство персидских купцов стали сокращать размеры своих коммерческих товарных операций и переходить на посредническую, комиссионную работу. Центр тяжести был ими перенесен на ярмарочную торговлю, и они своей деятельностью создавали резкие скачки во взаимоотношении курсов червонца и персидских кран посредством искусственного доведения баратов до 38 кран за червонец.

Суточный размер баратных переводов в период, следовавший за окончанием ярмарок, доходил до 100 тыс. руб. Если персидские купцы, пользуясь баратами, получали крупные выгоды, то персидские рабочие, переводившие деньги своим семьям в Персию, теряли на курсовой разнице от 25 до 30 % своего жалованья.

Помимо переводов, в баратные конторы сдавались

персидскими подданными деньги на хранение. Последний факт еще более усиливал возможности контор по проведению крупных спекуляций валютой. Успешная борьба с баратными конторами приводит к значительному уменьшению ажиотажа на валютном рынке Закавказья.

Совершенно обособленно на валютном рынке группируются внутренние операции ростовщического типа – ломбардные и дисконтные. Получаемая частным капиталом от последних прибыль колебалась в месяц от 10 до 15 % по первым и от 8 до 10 % по вторым видам этих операций. Ввиду того что общая сумма вложения в них средств не превышала по Закавказью ориентировочно 500 тыс. руб., особого влияния на валютный рынок они оказать не могли.

Такого же рода ориентировочные оценки имеются и по другим районам. Из них видно, между прочим, что у частного капитала наряду с упоминавшимися уже "транзитками" (учреждениями по нелегальной внешней торговле) имеются местами и специальные учреждения по нелегальным операциям на денежном рынке. В главе о "Частном капитале на денежном рынке" мы увидим, что при нынешних размерах кредита, оказываемого частными капиталистами частной же промышленности и частной торговле, появление подобных учреждений легко может быть объяснено.

Сводя различные ориентировочные материалы и оценки, можно думать, что в общем на частнокапиталистическом рынке иностранной валюты в СССР вращается сейчас примерно до 20 млн. рублей.

Иногда отсюда кое-что отливает на гастроли в государственные займы (например, в те моменты, когда фактическая доходность отдельных из них доходила до 10 % в месяц, и до увеличения капитала в два с половиной раза из расчета на год). Иногда, наоборот, наступает временное оживление. Но в общем эти операции превратились в одну из постоянных отраслей деятельности частного капитала в СССР, где увязаны определенные его средства (с определенным накоплением). Они выполняют те функции по обслуживанию общего частнокапиталистического оборота с заграницей и т.п., которые ему в этом обороте необходимы, но которые отказывается удовлетворять государство в силу достаточно обоснованного своего отношения к подобному нарушению частным капиталом государственной монополии в области внешней торговли и иностранной валюты. Не будь этого, успешного в общем, противодействия государства, частнокапиталистические операции с иностранной валютой и

внешней торговлей были бы во много раз больше.

Другая отрасль валютной деятельности частного капитала – это операции с золотом. Надо заметить, что, как и в операциях с иностранным капиталом, здесь речь идет именно об области капиталистического хозяйства, а не частного хозяйства вообще. Конечно, продать сохранившуюся у него от царского времени золотую десятку или полученный из-за границы от родственника доллар может и малозажиточный человек, не являющийся капиталистическим предпринимателем на денежном рынке. Но скупать все эти золотые десятки и доллары, скупать их систематически и на крупные суммы, позволяющие затем организовывать нелегальный перевод за границу, валютный кредит для оплаты контрабанды и прочие операции, – все это дело же капиталиста. Для таких операций у маленького человека руки коротки.

Источников получения золота частным капиталом (для спекуляции) в основном три: 1) мобилизация запасов золотой монеты, оставшихся на руках у населения при начале империалистической войны 1914 г., после которой у нас прекратилось легальное обращение золотой монеты в натуре; 2) нелегальная скупка нечеканенного золота, добываемого в Сибири так называемыми "старателями" (мелкими хозяйчиками и кустарями, эксплуатируемыми частным капиталом при этой скупке); 3) приток из запасов государства, имевший место в силу ошибочной линии в этом отношении Наркомфина за последний год руководства им т. Сокольниковым, прекратившийся с изменением линии, какая неправильно взята была т. Сокольниковым.

Из этих трех путей первый не имеет сейчас преобладающе крупного значения. Старые золотые монеты уже ряд лет постепенно вывозятся за границу в оплату контрабанды и расходов при поездках и просто для перевода эмигрантами своего состояния за границу. Да к тому же крестьянин, интеллигент или мелкий служащий, имеющий золотую десятку, не так охотно расстается с ней для сбыта валютчику. Роль второго метода – скупки от старателей – возможно, несколько больше, но также не может быть учтена хоть сколько-нибудь приблизительно. Более определенно можно судить о результатах так называемой "валютной интервенции", предпринятой за период с октября 1925 г. по апрель 1926 г.

Принципиальное обсуждение смысла и характера "валютной интервенции" можно найти в органах Наркомфина. Под "валютной интервенцией" в данном случае мы имеем в виду продажу золота (и равной золоту иностранной валюты),

производившуюся органами государства частным капиталистам. Целью ее было усиленным предложением золота и иностранной валюты на "вольном рынке" уронить там их цену и этим изменить значительно соотношение курсов в пользу нашего червонца. Оказалось, однако, как и надо было ожидать, что покупательная сила червонца определяется более глубокими причинами, чем искусственные манипуляции на частнокапиталистическом рынке с суммами, которые сами по себе велики, но не имеют значения в сравнении с объемом основных народнохозяйственных процессов. И до этой "валютной интервенции", и после нее, и во время нее покупательная сила червонца в общем оставалась на том же уровне, с незначительными колебаниями. По индексам Конъюнктурного института Наркомфина, как привел проф. Кондратьев в докладе 11 марта 1927 г., покупательная сила червонного рубля на "вольном рынке" по отношению к покупательной силе довоенного рубля составляла: в 1924/25 хозяйственном году – 44 % и в 1925/26 хозяйственном году – 43,1 % (а на 1 мая 1927 года – 44,2 %). Таким образом, результатов никаких, а потеря государством золота и твердой иностранной валюты в пользу частного капитала несомненна.

Понятно, что неправильная в этом отношении линия т. Сокольникова была отменена. Она обошлась нам в продажу в частные руки за семь месяцев, с октября 1925 г. по апрель 1926 г., золота на 29 млн. руб. и твердой иностранной валюты (доллары и т.п.) на 21 млн. руб., а всего в 50 млн. рублей. Правда, в последующий период за восемь месяцев – с мая по декабрь 1926 г. – удалось скупить обратно на 5 млн. руб., но главная масса осталась в частнокапиталистических руках для финансирования контрабанды и нелегальных переводов за границу и как объект внутренних валютных спекуляций.

Для укрепления советского червонного рубля мы идем другой дорогой – дорогой снижения розничных цен. Энергичное снижение розничных цен, энергичное уменьшение прибылей кооперации и госторговли, борьба за ограничение вздувания цен частными продавцами – все это равносильно повышению курса рубля. Это и есть единственный действительный путь для увеличения его покупательной силы. [5]

notes

Примечания

1

На днях в "Правде" напечатано, что у одного из советских мануфактурных магазинов Москвы была внезапно окружена и проверена "очередь" в 50 человек. Из них оказались одна действительная покупательница (трамвайная кондукторша) и целых 49 "статистов", т.е. подставных агентов по перекупке, нанятых частным капиталом.

2

Сейчас ОВК часто являются орудием небольших кучек крупных частных оптовиков. Например, по Москве (по докладу НК РКИ) на 8 февраля 1927 г. из специальных текущих счетов под товары и товарные документы целых 91,2 % всех ссуд из ОВК имели только десять фирм.

3

Согласно подсчетам в органе НКФ "Фин. и Нар. Хоз.", государству стоили в год добровольные займы: крестьянский – 45 %, 5 % 1925 г. – 30 %, 2-й крестьянский 1925 г. – 17 % (стр. 7 от 21 апреля 1927 г.)

Это повторилось и при выигрышном займе октября – ноября 1926 г., где частный капитал, по сообщению т. Брюханова (стр. 1 17 "Фин. и Нар. Хоз."), внес сначала реально до 10 млн. руб. Сняв пенки, он к настоящему времени успел уже избавиться от большей части купленных было билетов. То же произошло затем и с "10%-ным займом 1927 года".

5

О лжекооперативах речь будет в связи с деятельностью частного капитала в промышленности и сельском хозяйстве; об уклонении от налогов – в разделе "Частный капитал и обложение".